

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ФОЛЬКЛОРА

УДК 398.87
ББК 82.3 (4 Рос)

МАТЕРИАЛЫ К УКАЗАТЕЛЮ АЛЛОМОТИВОВ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ XIII—XVII ВЕКОВ

АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИГУМНОВ

(Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: Российская Федерация,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6)

***Аннотация.** В работе описывается модель действительности, изображаемой в русских исторических песнях. Это описание строится как структурированный (не систематический) указатель алломотивов русских исторических песен XIII—XVII вв. Алломотивы группируются в восемь рубрик первого, высшего, уровня с последующей внутренней рубрикой до четвертого, низшего, уровня. В заключении статьи предлагается вывод предварительного порядка. Если русская историческая песня и не «открыла» конкретную историческую действительность во всей ее событийной беспрецедентности, то мир социальных отношений она смоделировала с большей полнотой, нежели смежные жанры: былина, баллада, украинская дума, — почему, в частности, и обрела способность фиксировать конкретно-исторические впечатления своих создателей.*

***Ключевые слова:** русская историческая песня, предмет изображения, алломотивы, указатель.*

Значение систематических указателей материала для фольклористики бесспорно. Вместе с тем в этой ее области существует довольно большая лакуна. Насколько мне известно, не составлялись и не составляют указатели значимых элементов русской исторической песни: мотивов и/или сюжетов или сопоставимых с ними по объему каких-либо иных элементов повествования. Причин тому видится как минимум две:

1. Отсутствие практической нужды в каталогизации текстов или их значимых элементов. Русских исторических песен не так уж и много, а при строгом подходе к их жанровой квалификации — очень мало, так что сориентироваться в материале легко и без указателей.

2. Поиск в заведомо разных песнях устойчивых, повторяющихся элементов, небольших по содержанию и, значит,

больших по объему, обладающих при этом значимостью для текстов, требует предварительного допущения, что такие элементы существуют, образуют систему и эта система характеризует историческую песню как отдельный феномен. Это допущение, однако, необходимо предполагает существование самой по себе исторической песни как отдельного явления жанрового порядка, т. е. существование такого корпуса текстов, каждый из которых был бы удовлетворительно объясним из ограниченного числа закономерностей, подобно тому как это возможно для анекдота, новеллистической и волшебной сказок, героической и социально-бытовой былин, семейной и социально-бытовой баллад, мифологического рассказа. Но существование русской исторической песни в таком смысле, как известно, сомнительно: слишком уж разные по всем мыслимым

параметрам тексты отечественная научная традиция квалифицирует как тексты русской исторической песни. Кажется, никто не полемизировал по существу вопроса с В.Я. Проппом, утверждавшим существование нескольких жанров в составе русской исторической песни [Пропп 1964, 65–66]. И невозможно возразить аналогичному утверждению Л.И. Емельянова: «Историческая песня всегда была конгломератом многих жанров» (курсив в статье везде наш. — А. И.) [Емельянов 1966, 226].

Впрочем, задача составления указателя сколько-нибудь значимых элементов русской исторической песни для меня долго не была главной. Она явилась непредусмотренным последствием решения несколько иной задачи.

По определению историческая песня референтна к конкретной исторической действительности. Однако материал показывает, что степень этой референтности, т. е. способности исторической песни изображать/моделировать конкретное событие, опознаваемое как отдельное, или деятельность исторического лица может быть очень мала, то же самое касается способности осмыслять их (см. о последнем, в частности: [Игумнов 2008]), давать им какую-либо оценку, выражать к ним какое-либо отношение. Чтобы в этом лишний раз убедиться, достаточно беглого взгляда на комментарии к песням, опубликованным в четырехтомном своде русских исторических песен [XVI; XVII; XVII; XIX]. Они насыщены указаниями на условность и приблизительность устанавливаемой в комментариях связи песен с каким-либо реальным событием или историческим деятелем: «Исторические реалии в имеющихся текстах *не вполне определены и противоречивы*» [XVI, 625]; «Исторические факты получили здесь *специфическое художественное преломление*, а сюжет песни в ее основных эпизодах надо признать *вымышленным*» [Там же, 641]; «Соотнесение песни с этим событием *не опирается ни на какие факты*» [Там же, 655]; «По предположению исследователей, песня содержит *отклик* на события 1571–1572 гг.» [Там же, 665], — и т. д. Количество примеров легко умножить, что заставляет задаться вопросом, что же тогда является предметом непосредственного, прямого,

буквального изображения в исторических песнях. Очевидно, что этот предмет представляет собой художественную модель некоторого действительного и/или вымышленного события, но вопрос остается: как конкретно, из каких элементов и по каким закономерностям эта модель построена; главный и первоочередной вопрос здесь, конечно, вопрос об элементах искомой модели. При этом нужно еще учитывать, что само существование исторических песен немыслимо без людей, которые их гипотетически создали и реально донесли до момента приезда в деревню собирателя. Само по себе пропевание песен (т. е. их мелос) доставляло им эстетическое наслаждение, но и не последним фактором этого наслаждения были слова, которые они пропевали. Следовательно, поставленный сугубо филологический вопрос о предмете изображения следует переформулировать в духе А.П. Скафтымова. А именно: ЧТО этих «певцов», т. е. гипотетических создателей и реально живших последующих исполнителей песен, интересовало и в самих песнях, и в необходимости стоявшей за песнями действительности? Самых певцов мы об этом спросить уже не можем, но можем судить об этом по факту пения о чем-либо конкретном, т. е. по текстовому содержанию песен. Иными словами, «интересное», важное, значимое, моделирующее действительность певцы выражают, изображая состояния и действия персонажей, их взаимодействия, ситуации, в которые погружены персонажи, их монологи и диалоги. Из чего можно заключить, что в некотором пределе значимое и важное в песенном тексте заключено во всех без исключения словах песенных текстов, вплоть до самых второстепенных деталей¹.

Данная ситуация диктует необходимость поиска некоторой системы реперных точек отсчета, относительно которых можно будет как-то группировать все элементы текстов. И столь же очевидно, что подобная система не может быть обоснована и введена дедуктивно, она может быть установлена только эмпирическим путем.

В целях экономии места в преамбуле к главной части настоящей публикации — материалам к указателю алломотивов (далее — Материалы), но не претендую

¹ Пословица «из песни слова не выкинешь» ничего не доказывает, но говорит о многом.

на универсализм и исчерпанность вопроса, предмет изображения в исторических песнях (или, иными словами, «предмет интереса певцов») можно описать посредством следующей простой структуры.

Некая «общая модель» исторической действительности², создаваемая в исторической песне, адресуется к таким ее частным сферам³:

1. К этикетно-ритуальной стороне действительности (см., в частности: [Игумнов 2013]).

2. К витально-экзистенциальной проблематике и проблематичности действительности (см., в частности: [Игумнов 2011]).

3. К миру социальных отношений, в который погружены и певцы, и персонажи их песен.

4. К протеканию изображаемого события во всех его перипетиях и эмоционально суггестивных элементах; по отношению к песенному событию это будет фабула песни как, по Б.В. Томашевскому, «событие, развивающееся в жизни персонажей».

5. К конкретно-историческим реалиям, придающим песне ореол особой значимости и превращающим ее именно в историческую, а не какую-либо другую песню (см., в частности: [Игумнов 2007, 130–154]).

Но совсем другое дело, каким образом, посредством каких терминов выделять из текстов элементы, с помощью которых моделируются эти сферы действительности. Ожидаемый термин *мотив* в этих целях, очевидно, не подходит не столько по причине общетеоретического порядка, названной выше, но в силу одной своей многозначности (см., например: [Путилов 2003, 183–195; Силантьев 2004]), т. е. неоперационабельности; явно не подходит и термин *мотифема*, и по тем же причинам. Для решения данного вопроса имеет также значение повторимость и неповторимость ситуаций и действий/состояний

персонажей в этих ситуациях. Так, в двух как минимум разных песнях повторяется последовательность действий персонажей, которую можно сформулировать в виде такой, допустим, сюжетной ситуации: «будучи оскорбленным, персонаж губит своего оскорбителя»:

(1)

«Щелкан Дюдентевич», приняв подарки от братьев Борисовичей, «честь не воздал им... И они с ним раздорили: один ухватил за волосы, а другой за ноги, и тут его разорвали» [XVI, № 39].

(См. также в Материалах: II–A–2; III–B–a–4, 4, 9, 9, 11, 11; III–C–a–3, 7; IV–A–1, 3; VI–3, 3, 5, 5, 7; VII–A–2, 2; VII–B–1, 2, 5; VIII–A–1, 3; VIII–B–3, 4.)

Или:

(2)

«Ицламбер-мурза», «поздравовавшись» со всеми князьями и боярами (крымскими), «как с одним-то бы он с казаком Ермаком не здоровкался», в ответ на что «казак-то Ермак, сам разгневался», «вот и взял... Ицламбер-мурзу за головушку да срубал-то ему... буйну голову» [XVI, № 370].

(См. также в Материалах: II–B–1, 2; V–8, 8; VI–3; VII–B–2; VIII–A–3.)

И подобных случаев достаточно много, но в области исторической песни часты и неповторяющиеся в разных песнях ситуации и действия/состояния персонажей. К примеру:

(3)

Ермак, будучи московским послом, освобожденным из турецкой темницы турецким царем и с посольскими почестями отправленным обратно в «камену Москву», «...отлучился донской казак от Азова-города, загулялся... по матушке Волге-реке, не явился в камену Москву» [XVI, № 377].

² «Действительность» в нашем случае приобретает двоякий онтологический статус: это и реальная действительность, и действительность созданная, художественная, моделирующая реальную. Уверенно разделить эти две стороны одного феномена, скорее всего, невозможно. Традиционные исторические песни (т. е. не поздние и позднейшие рифмованные песни) явно создаются не «с нуля», под непосредственным впечатлением от события, но с опорой на песенную как минимум традицию, т. е. другие какие-то песни, так что эту двойственность приходится, по всей видимости, просто иметь в виду, но и оговорить ее нужно.

³ В разных песнях эти сферы представлены, разумеется, в разных объемах, с разной степенью детализации, вплоть до нулевой.

(См. также в Материалах: II-1, 1, 2; III-B-a-2, 2, 2, 3, 9, 19; III-C-a-5, 5, 6; III-C-b-3; VII-A-1, 2; VII-B-4, 8; VIII-A-3, 5; VIII-B-7.)

Или:

(4)

«Слуга верный», посаженный «православным царем» в «берлин», «...и покатился... ко белу свету, ко усердию» (и бояре-заговорщики убивают его вместо «царя православного») [XVI, № 262].

(См. также в Материалах: II-D-1; III-B-a-2, 2, 11, 13; III-C-a-3, 5, 8; III-C-b-1; IV-A-2; VII-A-2; VII-B-1, 2, 2; VIII-A-5.)

То обстоятельство, что последние два примера взяты из песен, известных в одном варианте, сути дела не меняет: их тоже нужно включать в искомую систему. Более того, частотность, повторяемость тех или иных элементов ничего не значит, если искать именно важные и значимые элементы; см. далее (5) — (7).

Для нас наиболее подходящим представляется термин *алломотив* в значении «конкретной реализации субъекта, объекта, их отношения, атрибутов, пространственных и других показателей» [Черняева 1980, 109]. Правда, приводимые в Материалах алломотивы не всегда строго отвечают определению Черняевой, а могут соответствовать скорее фабульным ситуациям или текущему сиюминутному действию/состоянию некоего субъекта или нескольким синтагматически связанным действиям/состояниям, некоторые из которых выражены одним-двумя словами, результат некоторых — просто констатируется, а некоторые — вообще более подразумеваются, чем изображаются во всем своем содержании, см. далее (5) — (8). Но, как по схожему поводу выразился однажды В.П. Аникин, «за слово не стоим» [Аникин 1996, 172]. Если удастся найти какой-либо иной, более точный термин, алломотив можно легко заменить. Пока же назрела более важная задача — объяснить логику, структуру и эвристические пределы предлагаемых Материалов и обозначить корпус текстов, при анализе которых эти алломотивы были выделены.

О понимании Материалов, вынесенных в заголовок данной работы. В настоящий момент полноценного, завершеного «Указателя алломотивов русской исторической песни» в моем распоряжении нет. Предлагаемые Материалы получены при анализе только *первых*⁴ по порядку произведений, опубликованных только в *первых двух* томах четырехтомного свода русских исторических песен — [XVI; XVII; XVIII; XIX]. Такой подход несколько противоречит каноническому для фольклористики принципу анализа фольклорных произведений. Он требует последовательного сопоставления сначала *всех вариантов* одной какой-либо версии произведения, затем *всех вариантов всех версий* какой-либо группы произведений и т. д. до уровня жанра или сопоставимого по объему таксона. Однако если задаваться целью поиска каких-то *значимых* элементов русской исторической песни (далее — просто «песни»), т. е. устойчивых, повторяющихся в *заведомо разных* песнях, то, думается, сначала стоит анализировать именно *разные* песни, чтобы лишь уже затем, после обнаружения некоторого достаточно универсального набора элементов, смотреть, как они реализованы в вариантах каждой из песен, внося соответствующие уточнения и коррективы в полученную первоначальную картину. Иными словами, пока разнообразие и вариативность сознательно принесены в жертву универсальности, чтобы после ее обнаружения вернуться к вариантам во всем их разнообразии и рассмотреть их с полученных универсалистских позиций, при необходимости корректируя их.

Алломотивы, выделенные из каждого текста, взятого в отдельности, оказалось удобным сгруппировать в восемь рубрик (или классов, или групп, что совсем несущественно) первого, высшего, уровня с последующей внутренней рубрикацией до четвертого, низшего, уровня; этот уровень единственный обозначается цифрами (арабскими). Собственно, в рубриках четвертого уровня и группируются конкретные алломотивы. В результате структура предлагаемых Материалов выглядит следующим образом:

⁴ За исключением текста [XVII, № 32], пропустить его было бы жалко.

I. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКОЕ И «ВСЕЛЕНСКОЕ» ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗОШЕДШЕГО.

II. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИХ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ.

A. В сфере морали:

1. Соблюдение норм.
2. Нарушение норм.

B. В сфере бытового светского этикета:

1. Соблюдение норм.
2. Нарушение норм.

C. В сфере дипломатических сношений:

1. Соблюдение норм.
2. Нарушение норм.

D. В религиозной сфере:

1. Соблюдение норм.
2. Нарушение норм.

III. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНУЮ СТРАТИФИКАЦИЮ.

A. Алломотивы без особой значимости статусного превосходства персонажа:

a. Персонаж совершает действия, мотивированные его высоким статусом как таковым, или находится в соответствующем состоянии:

1. Устраивает пиры.
2. Исполняет ритуалы или над ним исполняют ритуалы.
3. Алломотивы, подчеркивающие ритуальное значение места.
4. Прочее.

b. Персонаж не совершает действий, мотивированных его высоким статусом, или совершает/намерен совершить действия, не соответствующие его высокому статусу:

1. Вступает в «неправильный» брак.
2. Прочее.

B. Алломотивы, моделирующие действия/состояния персонажа, обладающего статусным превосходством:

a. Персонаж действует в соответствии со своим более высоким статусом / пребывает в соответствующем состоянии:

1. Совершает сугубо этикетные действия.
2. Распоряжается подчиненными.
3. Приветствует/благодарит более низкого по статусу.
4. Представляет/представляет от лица некоторой группы.
5. Собирает совет.

6. Ставит вопросы.
7. Приказывает, пишет указы.
8. Предлагает кандидатуры / «решает кадровые вопросы».
9. Судит, «проводит следственные действия».
10. Восстанавливает справедливость, исправляет судебные ошибки.
11. Позволяет, жалуется, дарует, милует, прощает.
12. Выводит измену и самозванцев и прекращает бунты.
13. Казнит/сажает в темницу.
14. Ставит задачи общегосударственного масштаба.
15. «Занимается государственным строительством».
16. Руководит / будет руководить военной кампанией.
17. Руководит / будет руководить иным процессом / предлагает его осуществить.
18. Алломотивы, подчеркивающие иерархическое значение рода и статуса персонажа.
19. Прочее.

b. Персонаж не совершает действий, как-вые он «должен» был бы совершить в силу своего более высокого статуса, или совершает не соответствующие своему статусу действия.

C. Алломотивы, моделирующие действия персонажа с более низким статусом:

a. Персонаж действует в соответствии со своим более низким статусом:

1. Совершает сугубо этикетные действия.
2. Апеллирует к персонажу с более высоким статусом.
3. Оказывает знаки почтения персонажу с более высоким статусом (приветствует, «бьет челом», «поздравляет», встречает и под.).
4. Персонаж в витально важной ситуации, разрешение которой зависит от высшего по статусу персонажа.
5. Исполняет «служебные обязанности» без значения личной инициативы («нетсет службу»).
6. Несет «служение», исполняет долг.
7. Собирает дани для персонажа с высоким статусом.
8. Докладывает, доносит, информирует.
9. Участвует в военных кампаниях.
10. Участвует в военных кампаниях, но без указанного предводителя.
11. Прочее.

в. Персонаж совершает действия, не соответствующие его более низкому статусу:

1. Не соблюдает «обыденный» этикет по отношению к высшему по статусу.
2. Выказывает демонстративное пренебрежение к высшему по статусу.
3. Не выполняет поручение / отказывается от него, не слушает наказа.

IV. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ ОСТРО КОНФЛИКТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

А. Алломотивы, моделирующие максимально масштабные нарушения социальной нормы:

1. Вражеские вторжения.
2. Государственные измены.
3. Мятежи.
4. Самозванчества.
5. Смерти венценосцев и героев.
6. Уголовно наказуемые деяния.

В. Алломотивы, моделирующие «религиозную жизнь» в конфликтных социальных ситуациях:

1. Моления и молебны по поводу грядущего сражения.
2. Моления и молебны по поводу одержанных побед.
3. Моления и молебны по поводу катастроф и поражений.
4. Моления и молебны по поводу смерти венценосцев и героев.
5. Благословения.
6. Вмешательство сверхъестественных сил.

V. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ / НАРУШЕНИЕ ГРУППОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ.

1. Персонаж символизирует/демонстрирует свою принадлежность к низшей группе.
2. Персонаж представляет от имени группы.
3. Персонаж формулирует жизненный идеал.
4. Персонажи «дуван дуванят»:
 - 1'. Справедливо.
 - 2'. Несправедливо.
5. Персонажи выбирают атамана/предводителя.
6. Алломотивы, моделирующие последствия значимой для группы смерти венценосцев и героев.
7. «Ни честь, ни хвала», «ворами слыть».

8. Другие действия в групповых интересах и решение прочих вопросов.

VI. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СФЕРУ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ/«РОДСТВЕННЫХ» СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

1. Личные хвастовство, гордость, честь.
2. «Победительность».
3. Оскорбления, нанесение бесчестия, отрицание достоинства.
4. Персонаж воздает знаки уважения, оказывает почести.
5. Персонаж исполняет просьбу старшего в семье.
6. Персонаж не соблюдает нормы семейных отношений.

VII. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СИТУАЦИИ, ВИТАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ДЛЯ ПЕРСОНАЖА.

А. Удовлетворения витальных интересов:

1. Осуществление идеала «вольной жизни».
2. Материального порядка (просьбы, грабежи и отнятия, дарения и намерение подарить и др.).
3. Брачные и любовные.
4. «Комплексные».

В. Нарушения витальных интересов:

1. Пленения.
2. Погубления.
3. Самоубийства.
4. Казни и наказания.
5. Материального порядка.

Отдельно: четко сформулированный самоотказ от материальных благ.

6. Нанесение увечий.
7. Нарушения, связанные с родственными отношениями.
8. «Тяготы» (недифференцированные).

VIII. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, ПРЕДЧУВСТВИЯ И ГАДАНИЯ.

А. Эмоциональные реакции:

1. Упреки, укоры, брань.
2. Плач, печаль, горесть, кручина, сожаление.
3. Гнев, досада, активное неприятие (вплоть до убийства).
4. Испуг.
5. Нетерпение, спешка.
6. Недоумение, удивление.
7. Взволнованность, «смешанность», со-

- стояние «не по себе».
8. Насмешка.
 9. Благодарность.
 10. Радость, активное приятие.
 11. Стойкость.
 12. Саморефлексия.
 13. Заклятия на будущее.

В. Противодействия (в максимально широком смысле):

1. Индивидуальные «уклонения» (бегства, прятания и подобное).
2. Предостережения, запреты.
3. Обращения за помощью.
4. Помощь иного персонажа.
5. Возвращение полонов.
6. Самостоятельные бегства/возвращения из полона, освобождения из темницы.
7. Обращения непосредственно к антагонисту.
8. «Заслуживания», «принесение вины».
9. Опровержение обмана.

С. Предчувствия, гадания:

1. Общegosударственного масштаба.
2. Личностного масштаба.

IX. АЛЛОМОТИВЫ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ РАННЕГО ВАРИАНТА МАТЕРИАЛОВ.

X. ТЕКСТЫ, АНАЛИЗ КОТОРЫХ ОКАЗАЛСЯ ТРУДЕН ИЛИ НЕВОЗМОЖЕН.

Из самой приведенной структуры видно, что применительно к ней нельзя, разумеется, говорить о строгой таксономии. Изначально, конечно, стояла задача найти все же некие единые основания для строгой классификации алломотивов, каковая, в частности, позволила бы избежать так называемых «мусорных» таксонов, обозначенных словом «прочее», и добиться стройности и единообразия в рубрикации. Однако решить эту задачу, как и следовало ожидать, пока не удалось. И было бы очень странно, если бы удалось. Это означало бы, что тексты тотально логичны во всех ракурсах и аспектах, чего не может быть.

Во-первых, глубина рубрикации в разных случаях различна. В частности, руб-

рики первого уровня I и II вообще никак внутри себя не дифференцируются на рубрики низших уровней, в рубрике III–V–b алломотивы оказались удобным представить на третьем уровне (обозначенном строчной латинской буквой), а в рубрике V–4 пришлось ввести еще и пятый уровень рубрикации, обозначенный цифрами 1' и 2'. Иными словами, рубрикацию алломотивов пришлось производить в двух противоположных направлениях. Конкретным алломотивам пришлось жестко «приписать» четвертый уровень, из соображений единообразия. Алломотивы были сгруппированы в восемь рубрик первого, высшего, уровня, и дальнейшая рубрикация велась уже начиная «сверху».

Во-вторых, рубрики не во всем исключают одна другую, отчего часто возникает необходимость дублирования одних и тех алломотивов в разных рубриках⁵, к тому же не все они (и рубрики, и особенно алломотивы) поддаются однозначному толкованию. Их формулировки, если говорить о себе в третьем лице, строятся на представлениях о действительности, явно принадлежащих более исследователю, чем певцам, и на попытках исследователя адекватно приписать певцам те или иные мировоззренческие и художественные взгляды, интересы и цели. Однако думается, что полной однозначности в таком случае не может быть в принципе. Другое дело, что каждая из неоднозначных интерпретаций нуждается в том, чтобы быть особо отмеченной и «разъясненной». В этих целях в предлагаемых Материалах используется символ ≈, какой сразу же и толкуется.

Чтобы как-то проиллюстрировать логику рассуждений при выделении и группировке алломотивов (если невозможно ее формализовать), обратимся к текстам.

(5)

Иван сударь Васильевич, прозритель,
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду,

⁵ Здесь я стремился свести дублирование к минимуму, но совсем избежать его не удалось. В то же время, когда дублирования избежать удалось, возникает ощущение неполноты интерпретации, но с этим тоже пришлось смириться.

Он царской костьюль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава [XVI, № 47].
(См. также в Материалах: III-B-a-11, 13, 15, 16; III-B-b; III-C-a-9; III-C-b-2; IV-A-2; VII-B-4, 6; VIII-A-3, 3, 5, 9, 10; VIII-B-1, 1; VIII-C-1.)

(6)
«Грозный царь Васильёвиц» в момент
умирания благоверной царицы пишет
«про землю да святоруськую, про веру
да христианскую, про солдатушков
да новобранных» [XVI, № 263, ст. 51–53].
(См. также в Материалах: III-B-a-15; III-C-a-3; VI-6; VII-B-7; VIII-A-2, 3; IX.)

(7)
Под руководством «Скопина-князя»
«силы со трех земель» («свицкия, саксон-
ския, школьския»)
В полуденную сторону походом по-
шли —
Прекротили черкас пятигорских,
А немного дралися, скоро сами сда-
лись —
Еще ноне тут Малороссия... [XVII,
№ 32, ст. 100–103].
(См. также в Материалах: II-A-2; III-
A-a-1; III-B-a-15, 16, 16; III-C-a-5, 9;
IV-A-1, 1; IV-B-1, 2; VI-1, 1, 5; VII-B-2;
VIII-A-1, 1, 2, 3, 3, 3, 5, 10; VIII-B-2; IX.)

Очевидно, что в приведенных фраг-
ментах нет ни одного общего для них
всех мотива и ни одной общей для них
всех мотивемы. Вместе с тем некоторый
содержательный инвариант в действиях
персонажей из (5) — (7) виден, думает-
ся, отчетливо. Речь в них идет ни много
ни мало об основании государства в тек-
сте, из которого приведен фрагмент (5),
о приращении его земель — (7) и о ре-
шении вопросов, касающихся «земли
святорусской», «веры христианской»
и «солдатушек новобранных», причем
вопросов настолько важных, что царь

даже не идет прощаться с умирающей
царицей, — (6).

Во-вторых же, для певцов явно суще-
ственно, что «Иван сударь Васильевич»,
«Грозный царь Васильёвиц» и «Скопин-
князь» обладают *очень высоким социаль-
ным статусом*: «Иван сударь Васильевич,
прозритель» — титулуется в тексте (5)
«великим князем московским» (воца-
ряется он лишь в конце текста, но и сам
по себе титул «Великий князь» тоже мно-
го значит), в (6) Иван Васильевич называ-
ется «царем» безо всяких обиняков, и со-
циальный статус Скопина в начале текста
(7) обозначен столь же определенно:

Он правитель царству Московскому,
Обережателю миру крещеному
И всей нашей земли святорусския...
[XVII, № 32, ст. 20–22].

Думается, можно в данном случае ска-
зать, что государственнические мотива-
ции персонажей обусловлены не только
конкретно-историческими впечатле-
ниями создателей песен. Не меньшее
значение имеет и песенная традиция
(и шире — героико-эпическая, а может
быть, и вообще средневековое воспри-
ятие истории). Мне приходилось вы-
сказывать предположение, что именно
социальный статус персонажа предо-
пределяет и ограничивает круг ситуаций,
в которых он может предстать в пес-
не, могущей быть квалифицированной
именно как историческая, и круг его
действий, которые он может в этих ситу-
ациях совершить; соответственно взаи-
модействия персонажей «должны» быть
предопределены различиями в их соци-
альных статусах (см.: [Игумнов 2013]).
Предлагаемые Материалы, как представ-
ляется, если и не доказывают, но хотя бы
показывают, что это предположение
не лишено оснований. И если это так,
мы можем интерпретировать фрагменты
(5) — (7) как изображение деяний пер-
сонажей, обусловленных их не просто
высоким статусом, но статусом *боле⁶*
высоким, нежели у остальных персона-

⁶ О высшем статусе в данном и во всех иных подобных случаях говорить нецелесообразно: сходные по смыслу действия способны совершать как собственно венценосцы и скипетродержатели, так и персонажи низшего по сравнению с первыми статуса. В частности, единолично руководить военной кампанией могут как Иван Грозный, так и «воевода царев» «Карамышев Семен Константинович» [XVI, № 274]. Да и на протяжении практически всего текста (5) статус Ивана Васильевича не является высшим: таковым является статус царя Симеона.

жей. И думается также, что вполне обоснована такая формулировка искомого собственно содержательного инварианта действий персонажей в (5) — (7): «Персонаж, обладающий достаточным для этого статусом, занимается “государственным строительством”». При этом необходимо предполагается, что в этих (и в других подобных случаях) эти (и другие подобные) действия обусловлены именно статусом персонажей, т. е. персонажи в известном смысле выполняют свои статусные обязанности⁷. В самом деле, царствующая особа и в действительности должна заниматься, помимо прочего, вопросами государственными (а военачальник должен руководить войсками, казачий атаман должен думать о месте будущей зимовки, патриарх обязан благословлять на царство и пр., и пр.). Думается (и материал показывает, что так оно и есть), с таким пониманием «статусных обязанностей» персонажей согласились бы и певцы.

Вместе с тем персонажи, обладающие более высоким, чем у других персонажей, статусом, способны решать и другие вопросы и задачи и просто пренебрегать своими «статусными обязанностями» или даже откровенно их не исполнять. Это и привело к необходимости выделять соответствующие рубрики III-C-b и III-B-b.

Иллюстрируя логику построения предлагаемых Материалов, стоит также заметить, что покорять иноэтническую территорию способен, в частности, и Ермак, причем среди целей похода он формулирует и цели общегосударственного порядка.

(8)

Доберемся мы до царства бусорманского,
Завоеем мы царство Сибирское,
Покорим его, мы, братцы, царю белому... [XVI, № 364, ст. 53–55].

Однако и статус Ермака, и главная цель планируемого (и осуществленного в действительности текста) похода несколько иные. Песенному Ермаку нельзя, разумеется, отказывать в патриотизме, но в дан-

ном случае он, во-первых, целью похода определяет покорение Сибири именно «царю белому», т. е. сам констатирует свое и товарищей подчиненное положение по отношению к Ивану Грозному. Во-вторых, успешное завоевание Сибири — необходимое условие принесения вины.

Завоеем мы царство Сибирское...

Я тогда-де пойду сам ко белу царю...

Принесу я царю белому повинную... [XVI, № 364, ст. 54, 58, 61].

(См. также в Материалах: II-A-1; II-C-2; III-B-a-4, 6, 9, 11, 11, 16, 16, 17; III-C-a-6; IV-A-6; V-7, 8; VII-B-4, 8; VIII-B-8.)

И наконец, в-третьих, статус Ермака явно выше, нежели у его товарищей: «казаков, людей вольных, донских, гребенских и яицких». Ермак и цель похода формулирует, и, вероятно, им руководит, и представляет от лица своих товарищей перед Грозным, получая от последнего за верную службу «славной тихой Дон», причем явно не для себя лично, а для всех донских как минимум казаков. Поэтому алломотивы, изображающие действия Ермака, помещены в рубрики, одна из которых — «Алломотивы, моделирующие действия/состояния персонажа, обладающего статусным превосходством», другая, напротив, — «Алломотивы, моделирующие действия персонажа с более низким статусом».

К сожалению, в целях экономии места в предлагаемых Материалах пришлось существенно ограничиться в представлении конкретного разнообразия алломотивов. Применительно к некоторым рубрикам пришлось даже вообще не приводить конкретных алломотивов, образующих эту рубрику, ограничившись лишь указанием на тексты, в которых эти алломотивы выделяются; впрочем, эти алломотивы достаточно просты и очевидны и читатель сам легко найдет их в указанных текстах. В не столь очевидных или просто более интересных случаях в рубрике приводятся по три-пять примеров, а для указания на остальные алломотивы, входящие в рубрику, приводятся опять же ссылки на соответствующие тексты. Вместе с тем, для того чтобы

⁷ Напрашивается слово «функция», но со времен В. Я. Проппа оно обладает в фольклористике уже собственным, относительно строгим смыслом.

точнее определить меру однозначности vs неоднозначности интерпретаций, присущую предлагаемой методике анализа текстов, в число приводимых примеров обязательно включаются случаи (если они есть), не допускающие однозначных трактовок, на что и указывает символ ≈, который сразу же и толкуется. В этих же целях в конце Материалов приводится список текстов, применить к которым предлагаемую методику анализа оказалось трудно. Стоило бы также привести весь список алломотивов, которые в предлагаемые Материалы включить не удалось, но для них места нет совсем. В ходе работы над настоящей статьей некоторые алломотивы пришлось исключить из первоначального варианта Материалов: для каждого из них не удалось сформулировать соответствующей ему рубрики, — но их немного и они приводятся в рубрике IX — «Алломотивы, которые не удалось включить в предлагаемую систему».

И последнее. В списках текстов, из которых выделены алломотивы, помещенные в ту или иную рубрику, номера некоторых текстов повторяются дважды или трижды. Это означает, что в тексте выделяются два или три разных алломотива, соответствующих данной рубрике.

Рабочий характер предлагаемых Материалов не позволяет сделать никаких выводов. Но в качестве предположения, подлежащего дальнейшей проверке, можно, думается, все же сказать следующее. Если русская историческая песня и не «открыла» конкретную историческую действительность во всей ее событийной беспрецедентности (или эти открытия, по Л. И. Емельянову, факультативны), то мир социальных отношений она смоделировала с большей полнотой, нежели смежные жанры — былина, баллада и, возможно, украинская дума. Собственно, во многом благодаря этому русская историческая песня и обрела способность фиксировать конкретно-исторические размышления своих создателей. Складывается также впечатление, что в более поздних исторических песнях, приурочиваемых к событиям XVIII—XIX вв. и особенно начала XX в., специальный интерес к взаимодействиям персонажей, обусловленных различием их социальных статусов, вообще постепенно сходит на нет, заменяясь интересом к известным общественно-политическим концептам и/или военным и бытовым тяготам, выпавшим на долю героев.

И последнее. В списках текстов, из которых выделены алломотивы, помещенные в ту или иную рубрику, номера некоторых текстов повторяются дважды или трижды. Это означает, что в тексте выделяются два или три разных алломотива, соответствующих данной рубрике.

МАТЕРИАЛЫ К УКАЗАТЕЛЮ АЛЛОМОТИВОВ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

I. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ ЭТИОЛОГИЧЕСКОЕ И «ВСЕЛЕНСКОЕ» ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗОШЕДШЕГО:

♦ Аннушка, спасаясь от «царя Крымского», пав на землю, метаморфозирует в церковь и природные объекты: «елки-сосонки», «крутые горки», «темные леса», «зеленый лес», «синие моря» [XVI, № 4].

♦ После смерти Ивана Грозного «батюшка светел месяц» светит «не по-старому», звон «большого колокола у собора у Успенского» «раздался по всей матушке сырой земле» [XVI, № 267].

♦ После смерти «православного царя Алексея Михайловича» «батюшка светел месяц светит не по-прежнему» [XVII, № 138].

♦ ≈: По словам «ясаула», после казни «Стеньки Разина» «помутился славной тихой Дон со вершины до черна моря». Здесь не ясно, каким актуальным смыслом для певцов обладали

слова о «тихом Доне»: имели ли они в виду буквально реку Дон или казачье сообщество, живущее на его берегах. Песенная традиция явно предполагает второй смысл, но здесь выделяются элементы не традиции, но текстов. На эту неоднозначность возможных интерпретаций и указывает символ ≈ [XVII, № 341].

II. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИХ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ:

A. В сфере морали:

1. Соблюдение норм:

♦ (Отказавшись от «городов с пригородками», «злата и серебра») Микита Романович просит и получает у Ивана Васильевича «Микитину отчину», где нет «иску» и «отыску» [XVI, № 200].

♦ «Цветным платьем», отбитым им у «воров-разбойников», «добрый молодец», по

его словам, «одевал все наших босых» [XVI, № 295].

♦ Ермак предлагает казакам, зимую в Астрахани, «поисправиться», и казакам это явно удалось [XVI, № 364].

2. Нарушение норм:

♦ Щелкан изощренно убивает сына [XVI, № 39].

♦ Молодец пытается обмануть девицу, расписывая ей сказочно замечательный «Казань-город» [XVI, № 84].

♦ «Малютина доча Скурлатова» подает Скопину отравленное питье, «знавши» об этом и будучи его кумой крестовой [XVII, № 32].

В. В сфере бытового светского этикета:

1. Соблюдение норм:

♦ Входя в шатер, «Ицламбер-мурза» «он черную шляпу скидывал, а он со всеми князьями, сы боярами сам поздравлялся» [XVI, № 370].

♦ Астраханские купцы встречают «гонца», посланного «князем Никитой сыном Феодоровичем», но выдающего себя и «товар» (своего рода диверсионный отряд) за купцов, с должным уважением: «становят» его в гостиницу, а когда тот там «не устался», «очищают» для него «три площади» [XVII, № 79].

2. Нарушение норм:

♦ Марья Романовна, узнав о том, что ее сыну угрожает казнь, бежит к брату Миките Романовичу «на босу ногу без чоботов... а без тех она цюлюциков шелковых», т. е. в страшной спешке и не одетой как должно (на что Микита Романович тут же и прореагирует) [XVI, № 200]. Разумеется, певцы не забывают о царском статусе Марьи Романовны, но все-таки особо его не подчеркивают, что они сделать способны. Так, Никита Романович удивляется: «Что за диво сдивалосся — незванная гостыца *нешком* пришла?» [XVI, № 202]; «и как не кукушка по городу прорыскала — и что ль *царица* скоро *по городу пробежала*» [XVI, № 204]; и совершенно замечательно — Настасья Романовна, бегущая «по матушки каменной Москвы», кричит: «Разодвинься, народ православный, дайте *местечка немножечко царицы* благоверны!» [XVI, № 205]. Следовательно, здесь, т. е. в тексте [XVI, № 200], несоответствие поведения царицы ее статусу стоит проигнорировать: оно подразумевается, но прямо не названо.

♦ «Ицламбер-мурза», «поздравовавшись» со всеми князьями и боярами (крымскими), «как с одним-то бы он с казаком Ермаком не здоровкался» [XVI, № 370].

С. В сфере дипломатических сношений:

1. Соблюдение норм:

♦ По словам Ермака, посаженного в Азове в темницу, «московское правительство» снабдило его «гостинцами дорогими» для «царя Салтана Салтановича» [XVI, № 377].

♦ «Царь турецкий Салтан Салтанович» «снаряжает» Ермака, прибывшего к нему послом, обратно «в каменну Москву», наградив его «златом, серебром, еще питьями заморскими». Отчасти он исправляет большую промашку своих подданных (см. ниже), но этот нюанс здесь отметить пока невозможно [XVI, № 377].

2. Нарушение норм:

♦ Гонец, которому поручено доставить ярлык в осажденный «Опсков-град», по наставлению «короля», должен не спрашивать разрешения въехать в город; должен докладывать, подъехав «ко двору»; «не бить челом», «восходя во палаты» [XVI, № 274].

♦ Казаки, по словам Ермака, «убили посланничка все царского, Персидского» (за что им и грозит казнь) [XVI, № 364].

♦ Турки на заставах ограбили Ермака (по его словам), а его самого и его товарищей «рассадили... по разным темным темницам» [XVI, № 377].

D. В религиозной сфере:

1. Соблюдение норм:

♦ Поездка «православного царя» «ко белу свету, ко усердию, ко благовещению», предполагаемая боярами, замыслившими убийство царя; поездка как таковая [XVI, № 262].

♦ «Животворящему кресту (стоящему в головах покойного Ивана Грозного) всякий молится» [XVI, № 267].

♦ «Стали благовестить к заутрене» [XVII, № 4].

♦ По словам «воровского атаманушки» «по имя Степан Разин», он прибыл «со своею ватагой» «ко городу Гурьеву» «не пить, не гулять, не батальице заводить... а святым храмам поклониться... и молебен отслужить». Заметим, в тексте практически нет и намека именно на «батальные планы» Разина, почему у нас и нет оснований сомневаться в его искренности [XVII, № 158].

См. также: [XVII, № 4, 112, 133].

2. Нарушение норм:

♦ ≈: «Царевна», которой угрожает насильственное пострижение Гришкой Отрепьевым, переживает, что ей «чернеческого чину не здержати: отворити будет темна келья, на добрых молотцов посмотрити». Но эти слова

текста буквалистской трактовке не поддаются, на что и указывает символ ≈ [XVII, № 24].

III. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНУЮ СТРАТИФИКАЦИЮ:

А. Алломотивы без особой значимости статусного превосходства персонажа:

а. Персонаж совершает действия, мотивированные его высоким статусом как таковым, или находится в соответствующем состоянии:

1. Устраивает пиры.

См.: [XVI, № 109, 200; XVII, № 32].

2. Исполняет ритуалы, или над ним исполняют ритуалы:

♦ «Царского поезду» у Ивана Васильевича «полторы было тысячи: князи-бояра, могучие богатыри» и т. д. [XVI, № 109].

♦ Иван Васильевич берет в «проводяты» за Марьей Темрюковной «триста татарин, четьреста бухаринов, пять сот черкашенинов»; заметим, никакого неудовольствия ни с чьей стороны это не вызвало, т. е. было воспринято как должное [XVI, № 109].

♦ Иван Грозный на ответании «во гробу-то лежит» в полном соответствии с этикетом (хотя этот «этикет» явно не во всем точно соответствует действительному): «в головах у него стоит животворящий крест, у креста лежит корона его царская, во ногах его вострый, грозный меч» [XVI, № 267].

♦ По словам «иноки Марфы Ивановны», мощи «князя Дмитрия» «лежат в каменной Москве, у святого Михайла Архангела, где кладутся цари благоверные» [XVII, № 4].

♦ Уезжая освобождать Астрахань от «бунтовщиков буруцких», «царь Михайло» прощается с царицей, благословляет «малых детушек», прощается «со боярами, со всем причетом» (если это «прощание» трактовать как ритуал); прощание с «малыми детушками» — отдельно не отмечено [XVII, № 78].

3. Алломотивы, подчеркивающие ритуальное значение места:

♦ ≈: Чтобы поставить перед князьями и боярами вопрос о судьбе Смоленска, «Алексей Михайлович Московской» «выходил он... из божьей церкви, становился он... на лобно место... на тую... зеленую дубраву». Эта деталь может быть интерпретирована двояко. Певцам здесь явно было важно подчеркнуть, что столь важный вопрос не может быть поставлен в «профанном месте», и потому «церковь», «лобное место» и «зеленая дубрава» — это лишь синонимы, указывающие на

сакральность места. Вместе с тем можно, пожалуй, усматривать в этой детали и тот смысл, что царь «должен» говорить о важных вещах, именно «выйдя из церкви» и «став на лобное место». На эту неоднозначность возможных трактовок и указывает символ ≈ [XVII, № 112].

♦ Перед тем как зачитать «государевы указы», прибывший из Москвы «большой боярин» «среди круга становился» [XVII, № 82].

♦ «Атаманушка Степан, по иному Степан Разин» восседает «середь» совершенно замечательно «изукрашенного» стружка под «золотым бунчуком» [XVII, № 158].

4. Прочее:

♦ Иван Васильевич берет в жены Марью Темрюковну, «купаву крымскую, царицу благоверную». Несмотря на то, что чуть выше в тексте брак на иноземке из «Золотой Орды» оценивается как неправильный, в этих-то строках царь берет в жены именно «царицу благоверную», пускай это даже и формула [XVI, № 109].

♦ ≈: Гришка с Маринкой, возвращаясь из неурочной бани, одеты чрезвычайно нарядно: на Гришке «шуба соболиная», «на Маринке саян красного золота». Заметим, певцы никак не подчеркивают, как одеты бояре, идущие, как и положено, от заутрени, так что является ли нарядная одежда в данном случае нарушением каких-либо норм, судить трудно, и остается полагать, что Гришка с Маринкой одеты как и положено царствующим особам. На эту недостаточную ясность интерпретации и указывает символ ≈ [XVII, № 4].

♦ ≈: Гришка Отрепьев «постну еству раздачей дает»; если вменить ему это в царские обязанности по аналогии с иными случаями. Но строкой выше по тексту он «скромну еству сам кушает». На эту неоднозначность и указывает символ ≈ [XVII, № 4].

См. также: [XVI, № 308; XVII, № ≈ 64, 100, ≈ 158].

б. Персонаж не совершает действий, мотивированных его высоким статусом, или совершает / намерен совершить действия, не соответствующие его высокому статусу:

1. Вступает в «неправильный» брак:

♦ Иван Васильевич берет «царицу благоверную» «не у себя в каменной Москве, а... в той Золотой Орде» [XVI, № 109].

♦ Гришка Отрепьев «не успел вор-собака на царство сесть, поизволил вор-собака жениться» [XVII, № 4].

♦ Жену себе Гришка Отрепьев «не у князя он берет, не у боярина, не у нас он берет в

каменной Москве, берет вор-собака в проклятой Литве» [XVII, № 4].

♦ ≈: Гришка Отрепьев женится в неурочный день (в «четверток» накануне «Миколина дня») и вместо заутрени идет в баню с Маринкой. Здесь не совсем ясно, как квалифицировать эти действия Гришки: как самодостаточное нарушение религиозного этикета или неподобающее поведение именно царя. О последнем певцы говорят только в связи с демонстративным и вопиющим небрежением Гришки к иконам (см. ниже). Вместе с тем неурочная женитьба Гришки явно конкретизирует его характеристику как «прелестника» и «вора-собаки», «спущенного на нас» разгневанным «Вседержителем», и стоит в одном ряду с иными его, Гришки, несоответствующими царскому сану действиями: он «предстил три земли», скоропалительно «произволил жениться», взяв супругу «в проклятой Литве», и др. На эту двойственность возможных трактовок и указывает символ ≈ [XVII, № 4].

♦ ≈: «Православный царь», отвечая на вопрос «святейшего патриарха», на ком он хочет жениться, отвечает: «Уж я взять-то... хочу Нарышкина доченьку Наташеньку». Патриарх недоумевает, говоря о Нарышкине: «Ведь граф-то... незатно он, небогато живет». Это патриаршее недоумение можно интерпретировать двояко: либо, в восприятии патриарха, такой брак не соответствует царскому статусу, либо «житейским» представлениям об удачном браке. На эту неоднозначность возможных трактовок и указывает символ ≈ [XVII, № 133].

2. Прочее:

♦ Гришка Отрепьев «скоромную еству сам кушает... а местные иконы под себя стелет», что бояре в разговоре с инокиней Марфой Ивановой оценивают как нарушение норм поведения «правильного» царя: «Только делает не по-царскому» [XVII, № 4].

В. Алломотивы, моделирующие действия/состояния персонажа, обладающего статусным превосходством:

а. Персонаж действует в соответствии со своим более высоким статусом / пребывает в соответствующем состоянии:

1. Совершает сугубо этикетные действия:

♦ Православный царь в храме «становится да на своем месте», «у правого клироса». (Здесь важно, что «бояре-князья» становятся «позады» «православного царя».) [XVI, № 261].

♦ В общем порядке расположения по саням «поп Емелько» занимает свое особое место, объяснимое только через его статус: «Во пятых во санях один поп Емелько» [XVII, № 64].

♦ «Во беседушках» у «благочестивого царя во вся Руси Петра Алексеевича» «впереди стоят да князи-бояра» [XVII, № 81].

♦ «Православный царь Петр Лексеевич» сидит на «раскрашеном стуле» стоящем «под конец стола», за которым сидят «князья-бояри-воеводушки все московские»; здесь «под конец стола» явно не означает, конечно, «с краю» [XVII, № 351].

2. Распоряжается подчиненными:

♦ «Братец Юрьючка» ставит «караульщичков», обязанных защитить Аннушку от царя крымского. Это явно предполагает, что он имеет такую возможность просто-напросто в силу своего социального статуса [XVI, № 4].

♦ Православный царь, собираясь в Казань, берет с собой доброго молодца (что для последнего объективно означает прекращение жизни в Москве, службы «при дворце государевом», разлуку с отцом, матушкой и молодой женой) [XVI, № 106].

♦ «Православный царь» «приказал он запрягать золотой берлин» (несущественно для чего) [XVI, № 262].

♦ «Православный царь» «в берлин свой сядит слугу верного» (обрекая того на смерть) [XVI, № 262].

♦ «Царь турецкий Салтан Салтанович» приказывает «сгаркать из темницы того тюремного старосту» [XVI, № 377].

♦ «Царь турецкий Салтан Салтанович» приказывает «мурзам, улановьям» вести Ермака «ко палатам его царским» [XVI, № 377].

♦ «Царь турецкий Салтан Салтанович» приказал «мурзы-улановьям» собрать «добрых молодцов, ермаковых товарищев» [XVI, № 377].

См. также: [XVII, № 4, 163].

3. Приветствует/благодарит более низкого по статусу:

♦ «Государь» «поздравляет» Ермака Тимофеевича, сыгравшего решающую роль во взятии Казани, «с радостью», «берет его за правую руку, ведет по славному городу Казанскому» [XVI, № 358].

♦ ≈: «Царь турецкий Салтан Салтанович», узнав, что «человек», сидящий у него в темнице, — это «донской казак Ермак Тимофеевич», приказывает: «Ведите донского казака ко палатам моим царским!» — после чего он «напоил, накормил доброго молодца и тожно стал его спрашивать». Для певцов явно важно, что

Ермак — это «донской казак», удостоенный почестей ни много ни мало от самого «царя турецкого», но в силу формульности этого алломотива буквалистская трактовка здесь не совсем применима, на что и указывает символ ≈ [XVI, № 377].

♦ «Надёжда царь», «Олексий сударь Михайлович Московский» «по головушке казаченка погладил» за выраженную им от лица казаков готовность «взять Азов-город без бою» [XVII, № 94].

См. также: [XVI, № ≈ 358, ≈ 358].

4. Представляет от лица некоторой группы:

♦ Тверские «мужики богатые и посадские» приносят «жалобу» на бесчинства Щелкана «двум удалым Борисовичам» в качестве именно «богатых и посадских» (в тщетной надежде, что те как-то остановят бесчинствующего Щелкана) [XVI, № 39].

♦ «Два братца родимые... удалые Борисовичи» «от народа они с поклонами пошли» к Щелкану; социальный статус братьев из текста не ясен, но они явно не из последних, раз о них так упорно говорит сам Щелкан в своей просьбе пожаловать его «Тверью богатою, дворя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи» [XVI, № 39].

♦ Ермак, успокаивая казаков, испуганных лодками с царским послем, вызывается: «Я сам к царю на ответ пойду, я сам государю отвечать буду» [XVI, № 358].

♦ Ермак исполняет свое обещание казакам: «Я тогда-то пойду сам ко белу царю... принесу я царю белому повинную» [XVI, № 364].

См. также: [XVI, № 358], [XVII, № 158].

5. Собирает совет:

♦ ≈: «Государь» и «надёжа» трижды «выкликают нас»: «князей», «бояр», «думских царевых генералов» (чтобы поставить вопрос о бескровном взятии Азова). Однако из текста не совсем ясно, как понимать «выкликают нас»: «собирает, чтобы спросить» или «сразу спрашивает». На эту неоднозначность и указывает символ ≈ [XVII, № 94].

♦ «Пригласил-то нас надёжа православный сар» (чтобы в виде просьбы поставить перед приглашенными «развоенными солдатушками» задачу взять «Смолин-город») [XVII, № 110].

6. Ставит вопросы:

♦ «Благодарной царь во вся Руси Петр Алексеевич просит «князей-бояр, крепких воевод московских» «пособить ему думу думати» («еще цем выкупать света-батюшка, государя Филареста Микитиця») [XVII, № 81].

♦ По пунктуации источника именно «эсаул» ставит вопрос: «Не пора ли нам, ребята, со синя моря что на матушку на Волгу» [XVI, № 308].

♦ «Наш батюшка атаманушка» задает вопрос: «Еще как-то нам, ребята, Казань-город брать?» [XVI, № 308].

♦ «Надёжда царь», «Олексий сударь Михайлович Московский» ставит на собранном им (?) «военном совете» вопрос: «Пособите государю думы думать», как взять «Азов-город без бою» [XVII, № 94].

См. также: [XVI, № 308, 328, 358, 364; XVII, № 76, 112].

7. Приказывает, пишет указы:

♦ Иван Васильевич дает «приказ на казень да на смертную» (Митрия Ивановича) [XVI, № 200].

♦ Считая «своего любимого сына» «решенным», Иван Васильевич «пишет афишки печьяльные», обращенные ко всем подданным: «Одевайте-ко вы платицы опальные, пришло времяцко мни печьяльное, как Митрея решил Ивановиця» [XVI, № 200].

♦ Иван Васильевич «своей рукой» подписывает указ о «Микитиной отчине» [XVI, № 200].

8. Предлагает кандидатуры / «решает кадровые вопросы»:

♦ ≈: По пунктуации источника именно «эсаул» предлагает кандидатуры атамана и эсаула; на это противоречие и указывает символ ≈ [XVI, № 318].

♦ «Все князья, бояре московские» (но не рядовые москвичи) «думу думают», кому быть царем, и выбирают сначала Дмитрия Пожарского, а затем — Михаила Романова [XVII, № 76].

♦ При выборах «православного царя» Дмитрий Пожарский — победитель поляков, сам чуть не ставший царем (!), предлагает «Михаила сына Федоровича» как единственную кандидатуру на царский трон. Причем и Пожарский выражается довольно категорично: «Уж скажу же вам, бояре... уж мы выберем», — и бояре ничуть ему не возражают: «И выбрали себе бояре в цари Михаила сына Федоровича» [XVII, № 76].

♦ «Государь-царь» выбирает «боярина большого... из породы Салтыковы», чтобы дать ему поручение, а после отказа Салтыкова вторично «выбирает «второго боярина» с той же целью [XVII, № 120].

9. Судит, «проводит следственные действия»:

♦ Царь Азвяк Таврулович «суды рассуживает и ряды разряживает» [XVI, № 39].

♦ ≈: Последние слова текста: «Ни на ком не сыскалося» — можно уверенно трактовать как сообщение о безуспешности розыска убийц Щелкана с целью их наказания. Менее убедительно трактовать эти слова в том смысле, что эти розыски инициированы лично Азвяком Тавруловичем. Эти сомнения здесь стоило бы проигнорировать, но нельзя проигнорировать неясность слов «не сыскалося»: «не сыскалося, потому что плохо искали», «не сыскалося, потому что хорошо прятались», «не сыскалося» по обеим причинам или вообще не искали. На все эти неясности и указывает символ ≈ [XVI, № 39].

♦ «Православный царь» выпрашивает молодца, «с кем он воровал да с кем разбой держал» [XVI, № 299].

♦ «Царь турецкий Салтан Салтанович» выпрашивает тюремного старосту, «что за человек сидит» у него в темнице, т. е. так или иначе вмешивается в процесс «исполнения наказания» [XVI, № 377].

См. также: [XVI, № 299, 303, 358, 358, 364, 386; XVII, № 82, 163, 350].

10. Восстанавливает справедливость, исправляет судебные ошибки:

♦ «Грозный царь Иван сударь Васильевич» восстанавливает справедливость, распорядившись «о материальном возмещении морального ущерба» безвинному молодцу [XVI, № 295].

11. Позволяет, жалует, дарует, милует, прощает:

♦ Бахмет турецкий позволяет Авдотье Рязаночке «брать полону, сколько надобно» [XVI, № 1].

♦ Азвяк Таврулович дарит «городами стольными» шурьев (!): «Василья», «Гордея», «Ахрамея» [XVI, № 39].

♦ Азвяк Таврулович все-таки жалует Щелкана «Тверью старую, богатою, двомя братьями родимыми, дву удалыми Борисовичи» [XVI, № 39].

♦ Иван Васильевич «жалует царицу, приводя ее в крещеную веру» (за то, что она «с радостью московского князя встречала» хлебом-солью) [XVI, № 47].

♦ «Православный царь» обещает пожаловать «младого татарченко», если тот сказал ему правду о заговоре бояр [XVI, № 262].

♦ «Грозный царь Иван Васильевич» обещает «подарить» гребенских казаков «рекою вольною, Терекком Горыневичем» [XVI, № 286].

♦ Иван Грозный прощает Ермака «да и со войском его» [XVI, № 364].

♦ ≈: «Разудалый молодец», «проявившийся» в Астрахани, обещает подарить астраханского

губернатора куньей шубой (если тот сумеет принять его «батьюшку» — «Сеньку Разина»). Здесь молодец позиционирует себя как персона очень высокого ранга, хотя таковым, по тексту, вовсе не является: сам Разин называет его «мой дитё», но не в системе социальной иерархии. На эту неоднозначность и указывает символ ≈ [XVII, № 163].

См. также: [XVI, № 358, 358, 364; XVII, № 94, 108, 112].

12. Выводит измену и самозванцев и прекращает бунты:

♦ Иван Васильевич намерен вывести измену из Киева, Чернигова, Новгорода, «Казани-Рязани», Астрахани, Москвы и руками «своих грозных» царевичей ее выводит, отправив их с соответствующим поручением [XVI, № 200].

♦ «Бояра» и «думны дьяки» посылают Петрушку Басманникова как своего представителя «в палаты во царские» уличать Гришку Отрепьева; отправление как таковое, как распоряджение, отдельно здесь не отмечено [XVII, № 4].

♦ По исходу событий цель похода «царя Михайло» к Астрахани — освобождение города от «бунтовщиков буруцких»; хотя в тексте «царь Михайло» узнает, против кого конкретно он «поехал на воеваньце», лишь подъехав к городу [XVII, № 78].

13. Казнит/сажает в темницу:

♦ Иван Васильевич, «воспалившись», «зачинает канонеров тут казнити» за мнимую измену (но казнь не совершается благодаря смелости «молодого канонера», объяснившего царю задержку с подрывом городской стены) [XVI, № 47].

♦ «Православный царь» обещает казнить «младого татарченко», если тот сказал ему неправду (о заговоре бояр) [XVI, № 262].

♦ ≈: «Большой боярин», «поднявшийся с Москвы», «похвалялся всех казаков перевешать», судя по всему, по «государевым указам». Но непосредственно из текста не следует, что это именно государево волеизъявление, но не личная инициатива «боярина». На эту недоговоренность и указывает символ ≈ [XVII, № 82].

♦ «Стенька Разин» предчувствует, что на вопрос к «царю православному», чем царь его «припожалует», услышит, что царь «припожалует» его, «шельму-разбойничка», «что ни лучшим хоромами высокими, что ни теми ли столбами с перекладиной» [XVII, № 350].

См. также: [XVI № 200; XVII, № 112, 120, ≈ 163, 163, 351].

14. Ставит задачи общегосударственного масштаба:

♦ ≈: Начиная военную кампанию, «Кузьма Сухорукий сын» предельно ясно формулирует ее генеральные цели: «Пойдем-ко мы сражаться за матушку за родну землю... за славный город Москву»; социальный статус его, по тексту — «богатый мещанин», но и авторитетом среди сограждан он почему-то пользуется безусловным. На эту неоднозначность и указывает символ ≈ [XVII, № 76].

15. «Занимается государственным строительством»:

♦ Иван Васильевич «берет (с царя Симеона. — А. И.) царскую корону», снимает с него «царскую перфицу», «принимает в руки царской костыль», после чего «воцарился и насел в Московское царство», отчего, собственно, Москва и «основалася» во всей «великой славе» [XVI, № 47].

♦ «Грозный царь Васильевич», по его словам, в момент умирания благоверной царицы пишет «про землю да святорусскую, про веру да христианскую, про солдатушков да новобранных» [XVI, № 263].

♦ После «прекращения» войском под водительством «Скопина-князя» «черкас пятигорских» происходит существенное приращение земель «царства Московского»: «Прекротили черкас пятигорских... — еще ноне тут Малороссия». Из текста не ясно, кто конкретно придал захваченным землям статус «Малороссии», но сам факт расширения государственных границ здесь налицо [XVII, № 32].

♦ По словам «Алексея Михайловича Московского», «король да земли шведской... просит у нас города Смоленца, а дает ли нам хинскую землю». Заметим, здесь субъект действия, озбоченный интересами своего государства, — именно шведский король [XVII, № 112].

16. Руководит / будет руководить военной кампанией:

♦ ≈: «Бахмет турецкий» «разоряет» Казань и полонит «народу во полон сорок тысячей». Однако в тексте (в отличие от [XVI, № 2]) не сказано, руководит ли Бахмет каким-либо воинским контингентом, или захватывает и разоряет Казань единолично⁸; былинная поэтика текста последнюю трактовку вполне допускает. На эту неясность и указывает символ ≈ [XVI, № 1].

♦ «Иван Васильевич» в качестве военачальника и великого князя явно руководит

военной кампанией (как и вообще всем происходящим) [XVI, № 47]:

1. Выступает в поход: он «подымался... со темя ли пехотными полками, что со старыми славными казаками».

2. Входит в город: после разрушительного взрыва «и бежал тут велики князь московски на тое ли высокую гору ту, где стояли царские палаты», знаменуя решительную победу.

♦ «Король» организует и проводит «свою часть» военной кампании [XVI, № 274]:

1. Проводит сбор войска: «Копил-то король, копил силушку».

2. Выступает в поход: «Накоплёмши он силы, на Русь пошел».

3. Берет «попутные» города: «Полотский-город мимоходом взял, а Велики Луки он насквозь прошел».

4. Подходит к городу: «Подходил он под батюшку под Опсков-град».

5. Явно становится военным лагерем: «становился, собака, в зеленых лугах».

6. Устраивает смотр войска: «смекал-то он силушку по три дни».

7. Вступает в дипломатическую переписку: пишет ярлыки воеводе Карамышеву Семену Константиновичу с требованием отдать город «без бою и без драки великия, без того уголовного!».

8. Отправляет с этими ярлыками гонца.

9. Потерпев сокрушительное поражение, «насилу сам-третьей убегаёт», заклинаясь за себя, детей и внуков «во Руси бывать».

♦ «Воевода царев» Карамышев Семен Константинович руководит «своей частью» военной кампании по защите «Опсков-града» [XVI, № 274]:

1. Принимает участие в «дипломатической» переписке с противником, решительно отвергая требования и угрозы противника.

2. По всей видимости, руководит сражением: он с гневом (заочно) отвечает «королю»: «Не отдам я тебе города без бою!»

3. Разъезжая, по всей видимости, перед строем, обращается к солдатам с вопросом: «Кому у нас на бою, братцы, божья помочь?»

4. Одерживает решительную победу: «воевода московский Карамышев Семен Константинович» «побил силу королевскую».

⁸ При разорении Казани у Бахмета «убили милого-то братца родимого», но и эта деталь лишь намекает на массовость вражеского вторжения.

♦ Скопин организует военную кампанию по освобождению «царства Московского» от «Литвы» и прочих врагов и руководит ею [XVII, № 32]:

Вступает в дипломатические сношения: пишет Карлусу «ерлыки» с просьбой о военной помощи.

Отправляет в ярлыками почтаря «ко свицкому королю Карлусу».

Явно планирует дальнейшие действия: после прибытия в Новгород воинских континентов, отправленных «Карлусом», «у Скопина-князя думушки прибыло».

По всей видимости, руководит войсками, которые «в восточную сторону походом пошли... в полуденную... на западную сторону и в ночь» и уничтожили/покорили всех мыслимых врагов: «чудь белоглазую, сорочину долгополую, черкас пятигорских, калмык со башкирцами, чукшей с олюторами».

По тексту именно Скопин «он очистил царство Московское и велико государство Российское».

♦ Помогая Скопину, «свицкий король Карлос» косвенным образом, но принимает участие в своей части военной кампании: отправляет Скопину «силы со трех земель» [XVII, № 32].

♦ «Кузьма Сухорукий сын» руководит «своей частью» военной кампании по изгнанию из Москвы поляков [XVII, № 76]:

1. Он «собрал-то себе войско из удалых молодцов... нижегородских купцов». Заметим, «Кузьма Сухорукий» всего-навсего «богатый мещанин», но певцы явно уверены в его праве «собирать себе войско» и отдавать дальнейшие распоряжения; заметим также, что слова «собрал-то себе войско» текст позволяет трактовать двояко: «сформировал в качестве воинского контингента под своим началом» или буквально «собрал на площади» — «собравши их, он речь им взговорил». Но в любом случае он все-таки принимает не самое последнее участие в организации военной кампании.

2. Призывает выбирать «себе удалого молодца воеводушку» (причем именно «из князей и бояр»).

3. Произносит речь с призывом, вооружившись за свой счет, пойти сражаться за «родну землю», разбить, перевешать и полонить поляков, взять в полон «Сузмунда-короля» и т.д.

♦ Избранный воеводой «славный князь Пожарский» руководит «своей частью» военной кампании по изгнанию из Москвы поляков [XVII, № 76]:

1. Ведет и приводит «своих добрых воинов» «ко московским стенам».

2. Становит их «у крепких стен».

3. Обращается к ним с призывом «помолиться на святые на врата на Спасские, на пречистый образ спасителя».

См. также: [XVI, № 269, 273, 308, 308, ≈ 328, 328, 358, 358, 364, 364, ≈ 371, 371, 371; XVII, № 26, ≈ 26, ≈ 29, 78, 79, 79, ≈ 81, 94, 94, 108, 108, 110, 120, 295].

17. Руководит / будет руководить иным процессом / предлагает его осуществить:

♦ По пунктуации источника именно «эсалу», поставив вопрос: «Не пора ли нам, ребята, со синя моря что на магушку на Волгу», решает, как они «пройдут» «Астраханско славно царство» и «Царицын-городочек» (первое — «с вечеру», Царицын — «во глуху полночь», а Саратов — «на белой заре») [XVI, № 308].

♦ «Степанушка» («удалой добрый молодец... Степан Разин Тимофеевич») предлагает «голубье» [XVII, № 143]:

1. «Поедмте... на сине море гулять».

2. «Разобьемте... бусурмански корабли».

3. «Возьмем казны... сколько надобно».

4. «Поедмте... в каменну Москву, покудим мы... платье цветное».

5. «да на низ поплывем».

♦ «Атаман... по имени Степан Тимофеевич, по прозванью Стенька Разин сын», сидящий на «воровском стружке», вмерзшем в лед на Каспийском море, распоряжается (отчасти в вопросительной форме «как бы нам») [XVII, № 162]:

1. «Бить-пробивать тонкой осенний лед».

2. «Добиться до тихих мест».

3. И там «дуван делить».

9. ♦ ≈: «Батюшка» «разудалого молодца», «проявившегося» в Астрахани, демонстративно никому не бившего челом, угрожавшего острогом самому губернатору и теперь посаженного в «белую каменную тюрьму», приказывает своим «товарищам» в форме будущего совершенного времени: «Мы ко городу дойдем, белу каменну тюрьму мы по камню разберем, с самого ли губернатора мы шкуру сдерем». Однако социальный статус «Сеньки Разина» из текста не совсем ясен, на что и указывает символ ≈ [XVII, № 163].

См. также: [XVI, № 308, 328, 364; XVII, № 81, 158].

18. Алломотивы, подчеркивающие иерархическое значение рода и статуса персонажа:

♦ Дмитрий Пожарский удостоивается чести быть избранным воеводой именно потому, что он «из славного княжеского роду»; по крайней мере, иные причины в тексте не названы [XVII, № 76].

♦ Судя по тексту, главным и единственным аргументом в пользу кандидатуры Михаила Романова для Дмитрия Пожарского является знатность его кандидата: он «из славного, из богатого дому Романова»; о других причинах в тексте не сказано [XVII, № 76].

♦ «Бояре — воеводы московские», приняв предложение Дмитрия Пожарского выбрать себе в цари Михаила Романова, явно отдают должное его, Пожарского, бесспорному статусу победителя [XVII, № 76].

19. Прочее.

См.: [XVI, № 106, 109, 278, 358, 377, 377; XVII, № 80, 100, 341].

б. Персонаж не совершает действий, каковы бы он «должен» был бы совершить в силу своего более высокого статуса, или совершает не соответствующие своему статусу действия:

♦ При необходимости объяснить «князю Ивану сударю Васильевичу, прозрителю», поддержку со взрывом при взятии Казани «что большой <“канонер”> за меньшого хоронился» [XVI, № 47].

♦ «Князи, вси бояри», созданные на совет «надёждой царем», «Олеksiем сударем Михайловичем Московским», при необходимости ответить на вопрос о бескровном взятии «Азова-города» «еще больший тулится за середнего» и т. д. [XVII, № 94].

♦ «Илья сын Милославской», явно будучи воинским начальником, «на прыступ ставал не крепко, раздражал полки не ланно» [XVII, № 110].

♦ ≈: «Государь-царь» (дважды) приказывает «Изосима и Саватия соловейских чудотворцов монастырь разорити», «старую веру порудити, старые книги изодрати... и всех старцев прирубити». Мотивации царя из текста совершенно неясны, и его действия никак в тексте не толкуются и прямо не оцениваются, так что приходится относить пока эти действия царя к данной рубрике. На известную произвольность такой интерпретации и указывает символ ≈ [XVII, № 120].

С. Алломотивы, моделирующие действия персонажа с более низким статусом:

а. Персонаж действует в соответствии со своим более низким статусом:

1. Совершает сугубо этикетные действия:

♦ «Бояре-князья» в храме становятся «позади» «православного царя» (стоящего тоже «на своем месте») [XVI, № 261].

♦ «золотому венцу <при отпевании Ивана Грозного> всякой кланяется» [XVI, № 267].

♦ Отдельно в планах «эсаула», решающего, как «мазурам, добрым молодцам» пройти «Астраханско славно царство» и «Царицын-городочек» (по пунктуации источника), предполагается, что со «сходенок кедровых» «эсаулушка, ребяташки, он сам сойдет» (в отличие от атамана, которого «сведут двое под руки») [XVI, № 308].

♦ «Казачи-братцы» при прочтении «царского титула» «все шапки снимали» [XVII, № 82].

2. Апеллирует⁹ к персонажу с более высоким статусом.

См.: [XVI, № 278; XVII, № 138].

3. Оказывает знаки почтения персонажу с более высоким статусом (приветствует, «бьет челом», «поздравляет», встречает и подобное).

См.: [XVI, № 39, ≈ 47, 109, 262, 263, 269, 358; XVII, № 80, 80, 94, 163].

4. Персонаж в витально важной ситуации, разрешение которой зависит от высшего по статусу персонажа¹⁰:

♦ «Гребенские наши казаки», по всей видимости, стоя перед «Грозным царем Иваном Васильевичем», вопрошают его, чем он их пожалует [XVI, № 286].

♦ «Ретиво сердце» «Стеньки Разина» «без огня-то оно сгорело и без польмя все изотле-ло», поскольку «завтра» ему «пред белым царем ответ надо держать», задав царю вопрос: «Да и чем же ты меня, православный царь припожалуешь?» — и, получив на него совершенно злоеший ответ: царь «припожалует» «что ни лучшими хоромами высокими, что ни теми ли столбами с перекладиной» [XVII, № 350].

5. Исполняет «служебные обязанности» без значения личной инициативы («несет службу»):

♦ «Слуга верный», посаженный «православным царем» в «берлин», «и покотился... ко

⁹ См.: [Игумнов 2014].

белу свету, ко усердию»; что эта поездка есть осознанная поездка навстречу своей смерти, в тексте конкретно не сказано и здесь не отмечено [XVI, № 262].

♦ «Мурзы-улановья» из свиты «царя турецкого Салтана Салтановича», выполняя его приказ «сгаркать из темницы того тюремного старосту», «метались через голову, привели его» [XVI, № 377].

♦ ≈: Если судить с эмпирической точки зрения, «мурзы-улановья» рассадили Ермака (по его словам) и его товарищей «по разным темным темницам» явно выполняя свои «служебные обязанности»; для певцов, однако, эти действия являются скорее произволом со стороны «мурз». На неоднозначность данного алломотива и указывает символ ≈ [XVI, № 377].

♦ Скорый почтарь любимый шурин (Скопина) Митрофан Фунтосов» исполняет поручение: доставляет «свицкому королю Карлусу» «ерлыки» Скопина [XVII, № 32].

См также: [XVI, № 278, 295, 299, 303, 371; XVII, № 138, 163, 295, 341].

6. Несет «служение», исполняет долг:

♦ «Малютка да Скурлаговиць» начинает с готовностью выполнять приказ Ивана Васильевича: «подогнал карету ведь ён темную», «посадил ен Митрея Ивановича, как повез Митрея на казнь-то на смертную» [XVI, № 200].

♦ «Грозные царевичи» Федор и Митрий Ивановичи по прямому приказу «Грозного царя Ивана Васильевича» «выводят измену» из Киева, Чернигова, Новгорода, «Казани-Рязани», Астрахани (но Москва остается нетронутой благодаря Митрию Ивановичу, предупредившего москвичей о скором приезде Федора Ивановича) [XVI, № 200].

♦ Ермак руководит успешной военной кампанией, одна из целей которой — «покорение царю белому царства Сибирского» [XVI, № 364].

♦ Ермак (по его словам) исполнял миссию московского посланника «к царю, в Азов-город» [XVI, № 377].

♦ «Князья-бояре, крепкие воеводы московские» дважды отвечают «благочестивому царю во всея Руси Петру Алексеевичу» на вопрос «еще чем выкупать света-батюшка, государя Филареста Микитица»: «головушками солдатскими,.. дрягунскими», «собирать казну, да отсылать в Литву» [XVII, № 81].

См. также: [XVI, № 109; XVII, № 4, 78, 82, 120].

7. Собирает дани для персонажа с высшим статусом:

♦ «Млад Щелкан... брал он... дани-невыходы, царски невыплаты» и т. д. [XVI, № 39].

♦ «КазакИ царя белого... есак царю собрали» [XVII, № 108].

8. Докладывает, доносит, информирует.

См.: [XVI, № 109, ≈ 200, ≈ 262, ≈ 269]

9. Участвует в военных кампаниях:

♦ Явно под начальством «великого князя московского Ивана сударя Васильевича, зрителя» [XVI, № 47]:

1. «Те ли пехотные полки, что старые славные казаки» «подымаются» в поход на Казань.

2. Полки и казаки «подходили под Казанское царство».

3. Полки и казаки «становились они подкочью под Булат-реку».

4. «Канонеры» устраивают подкоп «под Казанское царство», «закатив» в него «с черным порохом бочки» и поставив две свечи: запальную и «контрольную».

♦ «Храбрые солдатушки, нижегородские купцы», собранные «Кузьмой Сухоруковым» [XVII, № 76]:

1. По призыву Сухорукова избирают себе воеводу — «князя Дмитрия, по прозванию Пожарского».

2. По призыву «Скопина-князя», «помолившись, дело начали» (по штурму «Московских крепких стен»).

3. Проламывают «святые врата».

4. Входят в «белокаменный Кремль».

5. Отчасти по призыву Сухорукова «колят, рубят поляков», сваливая их «в большие кучи».

6. Отчасти по призыву Сухорукова захватывают и казнят «Сузмунда».

♦ Войска под руководством «Скопина-князя» [XVII, № 32]:

1. «В восточную сторону походом пошли... в полуденную... на западну сторону и в ночь».

2. И уничтожили/покорили всех мыслимых врагов: «чудь белоглазую, сорочину долгополюю, черкас пятигорских, калмык со башкирцами, чукшей с олюторами».

♦ ≈: «Мишенька Красношшоков», «что ни лучший слуга верный» «царя Ивана Васильевича», самостоятельно берет «город Серпов», полонив «двух полонянычек, турецкого хана двух дочерей», но именно о взятии города мы узнаем только из его поздравления царю: «Здравствуй, батюшка православный царь...

со славным городом со Серповым»; на эту недоговоренность и указывает символ ≈ [XVI, № 269].

См. также: [XVI, № 274, 274, 358; XVII, № ≈ 26, 78, 78, 94, 94, 108, ≈ 110, 120]

10. Участвует в военных кампаниях, но без указанного предводителя:

См.: [XVI, № 24, 78, 84; XVII, № 107, 108].

11. Прочее:

♦ Матрюк Темрюкович желал «потешить» царя и царицу своей борьбой, но его намерение осталось неосуществленным [XVI, № 109].

в. Персонаж совершает действия, не соответствующие его более низкому статусу:

1. Не соблюдает «обыденный» этикет по отношению к высшему по статусу:

См.: [XVI, № 109, 262; XVII, № 163, 163].

2. Выказывает демонстративное пренебрежение к высшему по статусу:

См.: [XVI, № 47; XVII, № 29, 163].

3. Не выполняет поручение / отказывается от него, не слушает наказа:

♦ Будучи освобожденным и с посольскими почестями отправленным обратно в «камену Москву», Ермак «отлучился от Азова-города, загулялся по матушке Волге-реке, не явился в камену Москву» [XVI, № 377].

См. также: [XVI, № 4; XVII, № 100, 120].

IV. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ ОСТРО КОНФЛИКТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

А. Алломотивы, моделирующие максимально масштабные нарушения социальной нормы:

1. Вражеские вторжения:

♦ Бахмет разоряет Казань и «уводит во полон сорок тысячей» [XVI, № 1].

♦ Щелкан чрезвычайно жестоким образом собирает «дани-невыходы, царски невыплаты»; у совсем неимущих «берет» детей, жен или их самих как «дани-невыходы, царски невыплаты» [XVI, № 39].

♦ «Литва» «облегла со все четыре стороны» «кругом сильна царства Московского». Судя по всему, действия «Литвы» препятствуют, прежде всего, московской торговле: «Как были припасы многие... а нельзя ни пройти, ни проехать... и ни соколом вон вылетети» [XVII, № 32].

♦ «Нечестивый Гужмунд» «жил он во святых местах, в царских русских теремах» [XVII, № 32].

♦ ≈: По словам «Алексея Михайловича Московского», «король да земли шведской, он

просит у нас города Смоленца, а дает ли нам хинскую землю». О возможном вооруженном вторжении шведов здесь можно судить лишь по возникшей проблеме: отдавать ли Смоленск шведскому королю за «хинскую землю» или «за Смоленец постояти... на Смоленец нанимати»; «нанимати» здесь вернее всего понимать как «нанимать войска», но и доказать такую трактовку вряд ли возможно. На эту неоднозначность данного алломотива и указывает символ ≈ [XVII, № 112].

См. также: [XVI, № 21, 274, 371; XVII, № 26, ≈ 29, 30, 75, 76, 80].

2. Государственные измены:

♦ При взятии Казани канонеры, по мнению Ивана Грозного, совершают измену, отчего якобы и не происходит подрыв городской стены [XVI, № 47].

♦ Неконкретизированная измена жителей Киева, Чернигова, Новгорода, «Казани-Рязани», Астрахани, Москвы, каковую потребно «выводить» [XVI, № 200].

♦ Бояре замышляют убийство «православного царя», но их замысел остается неосуществленным [XVI, № 262].

♦ По словам «удалого молодца», «царя нашего Василья злы бояре погубили... во Сибирь его послали; а уж сделали царем какого басурмана, что Петрушку самозванца» [XVII, № 73].

См. также: [XVI, № 200, 269; XVII, № 24].

3. Мятежи:

♦ ≈: Братья Борисовичи убивают Щелкана; заметим особо: убийство Щелкана есть явное преступление с точки зрения «ордынцев», чем и мотивированы последующие «розыскные мероприятия», проводившиеся явно ордынцами: «Ни на ком не сыскалося». Однако о мятеже в буквальном смысле здесь можно говорить, только памятуя о действительном тверском восстании 1327 г. На эту необходимость выйти за пределы текста и указывает символ ≈ [XVI, № 39].

♦ «Бунтовщики буруцкие» как-то завладели Астраханью или только еще намерены это сделать. Текст не допускает однозначной интерпретации этого элемента фабулы в сугубо эмпирическом духе, но здесь это несущественно: «бунтовщики буруцкие» — «уже» бунтовщики, а в чем конкретно состоит их бунт, не очень и существенно [XVII, № 78].

4. Самозванчества:

♦ «Вор Гришка-Росстрига Отрепьев», «прелстил он, вор-собака, три земли: ...короля в Литве... землю Полскую... сильно царство Московское», сев в последнем на царство, не имея на то никаких прав [XVII, № 4].

♦ По словам «удалого молодца», бояре, «погубившие царя нашего Василья»... а уж сделали царем какого басурмана, что Петрушку самозванца» [XVII, № 73].

5. Смерти венценосцев и героев:

♦ Смерть Ивана Грозного как таковая, судя по всему, «объективная». Ее общегосударственное значение в песне подчеркнуто, помимо прочего, сбором представителей всех сословий: «князей-бояр», «людей ратных» — «во Успенский собор богу молитися» [XVI, № 267].

♦ По словам «иноки Марфы Ивановны», «вестимо богу и всей земли, что потерян князь Дмитрий на Угличе» [XVII, № 4].

♦ «Воеводы Васильевича князя Михаила» «не стало». О причинах его смерти в тексте не сказано, но, судя по ее рецепции «гостями-москвичами» (и ее относительно прямым фабульным последствиям — превращением «Нова-города» «в латынскую землю»), она явно обладает значением государственного масштаба. Логически обосновать эту интерпретацию вряд ли возможно, остается лишь принимать ее за неимением лучшей [XVII, № 30].

6. Уголовно наказуемые деяния:

♦ По мнению «бурмистров-целовальников», это именно «добрый молодец» совершил «имущественное преступление», каковое на самом деле совершили «воры-разбойники» [XVI, № 295].

♦ ≈: «Добрый молодец», захваченный в одинокой «избушечке», утверждает: «Не я ворювал, не я разбой держал, разбивали-разоряли донские казаки, а я, добрый молодец, им товарищ был». На невозможность буквалистски толковать это противоречие и указывает символ ≈ [XVI, № 303].

♦ В недавнем прошлом казаки во главе с Ермаком, по словам «государя», разбивали «бусы-корабли тезичьи, мужичьи, мои государевы» (за что им и грозит соответствующее эпохе наказание) [XVI, № 358].

♦ «Разбойники, есаулы, атаманы, Гришка с Маринкой», судя по благословлению «попа Емельки», имеют целью отправиться «во чужие клетки», т. е. на грабеж или воровство [XVII, № 64].

См. также: [XVI, № 299, ≈ 299, ≈ 318, 364].

В. Алломотивы, моделирующие «религиозную жизнь» в конфликтных социальных ситуациях:

1. Моления и молебны по поводу грядущего сражения:

♦ Защищая «Опсков-град», солдаты перед сражением «со вечера причащались» [XVI, № 274].

♦ Перед выступлением в поход с целью освобождения «царства Московского» от «Литвы» и прочих врагов «Скопин-князь» служит заутреню, а непосредственно выступая в поход, поднимает «знаменья царские» с ликами Спаса и святых [XVII, № 32].

♦ «Храбрые солдатушки, нижегородские купцы» перед штурмом Кремля молятся, по призыву Дмитрия Пожарского, «на святые на врата на Спасские, на пречистый образ спасителя» [XVII, № 76].

♦ Казаки, при обороне захваченного ими «Азова-города» оставшиеся в незначительном количестве, «собирались... тут в божью церковь, отслужили тут молебен со обедней», обещая «Миколу-чудотворцу» постричься в «монахи, в патриархи», если тот им поможет [XVII, № 94].

2. Моления и молебны по поводу одержанных побед:

♦ После победы Скопина «служили обедни с молебнами и кругом города ходили... и всю литургию великую» [XVII, № 32].

♦ После возвращения «Филарета Микитича» «из неверной земли из Литовской» «не пошли оне в хоромы в царские, а пошли оне к Пречистой соборной а пети честных молебен»; в состав пошедших входит и Михаил Федорович, и дядюшка государя «Иван Микитич боярин» [XVII, № 80].

3. Моления и молебны по поводу катастроф и поражений:

♦ ≈: «Уж на той ли на высокой колокольне в большой колокол звонили» в связи, как это выясняется со слов безымянного «удалого молодца», с произошедшим дворцовым переворотом. Однако семантика колокольного звона из текста неясна. Его можно интерпретировать как набат, либо как часть литургии по взаимоисключающим опять же поводам: по поводу восшествия на престол «Петрушки-самозванца, злого боярина» или «погубления» «царя нашего Василья», которого «злы бояре... во Сибирь его послали». На неоднозначность данного алломотива и указывает символ ≈ [XVII, № 73].

4. Моления и молебны по поводу смерти венценосцев и героев:

♦ «Православный царь», потерявший сына, идет к заутрене и молится «свету-светику, Ивану Великому». Сам царь говорит о сыне не как о сыне, а называет его «млад царевичем», а свою «кручинушку» — не отцовской, а «царской», почему в рубрике витальных потерь этот алломотив не отмечен [XVI, № 261].

♦ После смерти Ивана Грозного «у собора у Успенского, ударили в большой колокол», «все князья-бояре», «все люди ратные» «собирались... во Успенский собор богу молиться» [XVI, № 267].

♦ «Молодой стрелец», стоящий «на часах» у правого клироса в Архангельском соборе, по всей видимости, у гроба царя Алексея Михайловича, «на часах стоит, богу молится» [XVII, № 138].

См. также: [XVI, № 267; XVII, № 30].

5. Благословения:

♦ «Поп Емелько» «благословляет» своих «детей»: «разбойников, есаулов, атаманов, Гришку с Маринкой», восклицая при этом: «Ступайте вы, дети, во чужие клетки!» Очевидно, что в это благословление певцы вложили немалую толику иронии, но прямая связь между саном «попа Емельки» и его действиями здесь столь же очевидна [XVII, № 64].

♦ «Государь Филарет Микитич» «благословлял своего чада милого... сдержати царство Московское и вся земля святорусская» [XVII, № 80].

6. Вмешательство сверхъестественных сил:

♦ «Умолил государь православный царь, князь велики(й) Михайло Федорович»; это очевидно нужно понимать так, что об освобождении князей-бояр «из неверной из земли из Литовской» царь довольно долго молился и его молитвы были услышаны [XVII, № 80].

♦ По молитве казаков Микола-чудотворец напускает на «турчан», штурмующих «Азов-город», захваченный казаками, губительную «темну темень» [XVII, № 94].

V. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ/НАРУШЕНИЕ ГРУППОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ:

1. Персонаж символизирует/демонстрирует свою принадлежность к нижней группе:

♦ «Золотую казну», отбитую им у «воров-разбойников», «добрый молодец», по его словам, «точил ее все по домам питейным, а поил... все голь кабацкую» [XVI, № 295].

♦ «Во казачий круг Степанушка не хаживал, он с нами, казаками, думу не думывал, ходил-гулял Степанушка во царев кабака, он думал крепкую думушку с голудьбою» [XVII, № 143].

2. Персонаж представляет от имени группы:

♦ «Казак донские», обещая царю взять «Азов-город без бою», фактически представи-

тствует тем самым от лица казаков [XVII, № 94].

3. Персонаж формулирует жизненный идеал:

♦ Предложение из уст не названного в тексте персонажа: «Не полно ли нам, дородным, на свежу воду... И станем разбивать бусы-корабли» можно трактовать двояко. Как призыв к грабежу и разбою, т. е. к уголовно наказуемому деянию, или же, напротив, как призыв к предельному осуществлению идеала «вольной разбойничьей жизни». Песенная традиция явно диктует вторую трактовку [XVI, № 318].

♦ «Атаман... по имени Степан Тимофеевич, по прозванью Стенька Разин сын», сидящий на «воровском стружке», вмерзшем в лед на Каспийском море, распоряжается (отчасти в вопросительной форме «как бы нам»), «добышись до тихих мест... до славного до острова до Кавалерского» «там... дуван делить... атласу и бархату по размеру всем, золотой парчи по достоинствам, жемчугу по молодечествам» [XVII, № 162].

4. Персонажи «дуван дуванят»:

1. Справедливо:

См.: [XVI, № 24, 295, 295].

2. Несправедливо:

♦ ≈: По словам «молодца», обращенным к «благоверному царю», «донски казаки... мне ли, молодцу, да паю не дали». Здесь не ясно, обладал ли «молодец» правом на часть добычи: по его словам, он-то не воровал, а только «при том случае был». На эту неясность и указывает символ ≈ [XVI, № 299].

♦ ≈: «Добрый молодец», захваченный в одиночку «избушечке», утверждает: «При дуване меня, молодца, задувалили, доставалась мне шубеночка худым-худа... левая пола-то у ней в сто рублей, правая пола у ней во тысячу, а стану с рукавами и цены нету». На невозможность буквалистски толковать это противоречие и указывает символ ≈ [XVI, № 303].

5. Персонажи выбирают атамана/предводителя.

См.: [XVI, № 308, 318; XVII, № 76, 100].

6. Алломотивы, моделирующие последствия значимой для группы смерти венценосцев и героев:

♦ Не изображенная в тексте смерть «православного царя», судя по плачу «гребенского казака», стоящего на часах у «крыльца-та ли у дворца», дала возможность нововведений в армии, активно не принимаемых «бравыми казачинками», но не более [XVI, № 278].

♦ Для «свечких немцев» смерть «воеводы Васильевича князя Михаила» явно означает

объективное нарушение каких-то их общегрупповых интересов, но не «государственных»: дело происходит в Москве, где они явно чужие [XVII, № 30].

♦ Сообщая «добрым молодцам» о казни «Стеньки Разина» и «помешавшемся казацкем круте», «ясаул» комментирует: «Атамана больше нет у нас» [XVII, № 341].

7. «Ни честь, ни хвала», «ворами слыть».

См.: [XVI, № 328, 358, 364].

8. Другие действия в групповых интересах и решение прочих вопросов:

♦ Не изображенные, но необходимо подразумеваемые боевые, скорее всего, товарищи убитого «атамана польского Михайла Черкашенина» «привезли <домой> убитого атамана польского... Михайла Черкашенина», исполняя свои товарищеские обязанности [XVI, № 277].

♦ ≈: «Князья крымские» «приехали ко белому-то шатру», стоявшему «на дикой степе да на Саратовской». По всей видимости, для решения каких-то вопросов, важных для них для всех, но эта видимость труднодоказуема, на что и указывает символ ≈ [XVI, № 370].

♦ ≈: «Ицламбер-мурза» тоже «приехал ко белому-то шатру», стоявшему «на дикой степе да на Саратовской». По всей видимости, для решения каких-то вопросов, важных для всех «князей крымских», но эта видимость труднодоказуема, на что и указывает символ ≈ [XVI, № 370].

♦ «Бояра» и «думны дьяки», выяснив истинную природу самозванца Гришки Отрепьева, выбирают своего представителя — «дьяка думного Петрушку Басманникова», каковому предстоит обличать самозванца, что он явно и делает. Заметим: выбор пал на Басманникова лишь потому, что он единственный может напомнить самозванцу о их совместном пребывании в «Чудовом монастыре»; но вместе с тем в тексте сказано прямо именно о «выборах»: бояре и думные дьяки «выбирали себе дьяка думного» [XVII, № 4].

♦ «Злые бояре» посадили на трон «Петрушку-самозванца», что явно отвечает их групповым интересам: «Петрушка» характеризуется тоже как «злой боярин» [XVII, № 73].

♦ «Догадавшись» о планах «большого боярина», «поднявшегося с Москвы» с «государевыми указами», «казаки-братцы» «во единой круг они собирались» [XVII, № 82].

См. также: [XVI, № 364; XVII, № 73, 82, 120].

VI. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СФЕРУ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ/ «РОДСТВЕННЫХ» СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:

1. Личные хвастовство, гордость, честь:

♦ Девушка с гордостью сообщает татарам о знатности своих родителей: ее «родный батюшка боярин был», ее «родная матушка была боярыня», да и сама она «роду не простого — боярского» [XVI, № 5].

♦ Увечья, нанесенные Матрюком Темрюковичем тремстам гостей в ходе его «выскакивания» из-за столов, — «то похвальба Матрюку» [XVI, № 109].

♦ «Орда крымская», бежав от «добрых молодцев, донских казаков», «за большим бугром становилась, и между собой (!) расхвалилась» [XVII, № 107].

♦ ≈: Когда Иван Васильевич отдал страшный приказ о казни Митрея Ивановича и все палачи «да перепались... из пальи разъездилисе, во своих домах да не сказались», нашелся лишь один «молодой Малютка да Скурлатовиць», который не только «нашелся», но еще и «наславился». Здесь «наславился» можно понимать и как «вызвался», и как «с гордостью принял на себя обязанность казнить царевича». На эту неопределенность и указывает символ ≈ [XVI, № 200].

См. также: [XVI, № 109, 200, 200; XVII, № 32, 32, 82, 82, 163].

2. «Победительность»:

♦ Матрюк Темрюкович в недавнем прошлом «изошел он семь городов, поборол он семьдесят борцов», но «по себе» борца так и не нашел [XVI, № 109].

3. Оскорбления, нанесение бесчестия, отрицание достоинства:

♦ «Насев» в Твери судьей, Щелкан бесчестит вдов, позорит красных девиц, «надо всеми наругуивается, над домами насмехается» [XVI, № 39].

♦ Щелкан «не воздает чести» Борисовичам, пришедшим к нему «с поклонами от народа» и подарками [XVI, № 39].

♦ «Ицламбер-мурза», «поздраствовавшись» со всеми князьями и боярами (крымскими), «как с одним-то бы он с казаком Ермаком не здоровкался» [XVI, № 370].

♦ «Бегучи, король заклинал сам себя: «Не дай, боже, ходить на святую Русь, ни мне, королю, ни брату моему!» И сразу далее: «И еще этим король обесчестил сам себя» [XVII, № 26].

♦ Астраханские купцы, наблюдая взятие своего города, явно сопровождаемое насилием,

укоряют «царя белого»: «Как ни честь, ни хвала царю белому — как не взяли Астрахань город в тридцать лет, а теперь взяли его в три часа»; логика этих слов с эмпирической точки зрения совсем непонятна, но оскорбительное отрицание наличия у царя подобающего достоинства как таковое очевидно [XVII, № 79].

См. также: [XVI, № 109, 200, 261, 295].

4. Персонаж воздает знаки уважения, оказывает почести:

♦ Микита Романович, сняв с плахи Митрия Ивановича, привозит его к себе «в палату белокаменну» и «кормит, поит своего дорога гостя» [XVI, № 200].

♦ Гришка Отрепьев намерен устроить салют и пир «для ради тестя любимого» «Юрья пана Стредомирского» [XVII, № 4].

♦ «Пошел государь православный царь встречати своего батюшка, государя Филарета Микитича» [XVII, № 80].

5. Персонаж действует в «семейных интересах»:

♦ Азвяк Таврулович дарит «городами стольными» шурьев: «Василья», «Гордея», «Ахрамея» [XVI, № 39].

♦ ≈: Азвяк Таврулович все-таки жалуется «любимого шурина» Щелкана «Тверью старую, богатую, двома братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи». Делает он это, однако, лишь после того, как «любимый шурина» заколол своего сына. На невозможность буквалистских трактовок данного алломотива и указывает символ ≈ [XVI, № 39].

♦ В число «проводящих» за Марьей Темрюковной Иван Васильевич берет «любимого шурина» Матрюка Темрюковича [XVI, № 109].

♦ «Свицкий король Карлус» помогает Скопину военной силой как «любимому брату названому», на что Скопин и рассчитывал в своем письме с просьбой о помощи¹¹ [XVII, № 32].

6. Персонаж исполняет просьбу старшего в семье.

См.: [XVI, № 24, 263].

7. Персонаж не соблюдает нормы семейных отношений:

♦ «Татарочка» не встречает мать-полонянку «за воротами», как, по ее же словам, ей следовало бы поступить, и, более того, вместе с мужем заставляет ее «три роботы работать»: ногами — колыбель качать, глазами — гусей пасти, руками — кожан плести [XVI, № 24].

♦ Азвяк Таврулович не жалуется любимого шурина Щелкана Дюдентевича, причем, со слов Щелкана, оскорбительно на фоне пожалования других шуринов: «Василья», «Гордея», «Ахрамея» [XVI, № 39].

VII. АЛЛОМОТИВЫ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СИТУАЦИИ, ВИТАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ДЛЯ ПЕРСОНАЖА:

A. Удовлетворения витальных интересов:

1. Осуществление идеала «вольной жизни»:

♦ Будучи освобожденным и с посольскими почестями отправленным обратно в «каменну Москву», Ермак «отлучился от Азова-города, загулялся по матушке Волге-реке (не явился в камену Москву)» [XVI, № 377].

2. Материального порядка (просьбы, грабежи и отнятия, дарения и намерение подарить и др.).

См.: [XVI, № 39, 39, 109, 200, 262, 295, 295, 377; XVII, № 26].

3. Брачные и любовные.

См.: [XVI, № 84, 109; XVII, № 4, 133, ≈ 295].

4. «Комплексные»:

♦ По словам «сказавших» об этом, обращенных к царю: «Мишенька Красношшоков» «он прельстился на ёго (хана. — А. И.) золоту казну... на тех ли на сорочинчок» [XVI, № 269].

B. Нарушения витальных интересов:

1. Пленения.

См.: [XVI, № 1, ≈ 4, 5, 21, 24, 39, ≈ 262, 269, 371; XVII, № ≈ 24, 377, 100].

2. Погубления.

См.: [XVI, № 1, 4, 5, 39, 200, 262, 262, 277, 370, 371; XVII, № 4, 32, ≈ 78, 82, 163].

3. Самоубийства:

♦ После неудачи с сокрытием в каменных палатах, разбитых царем крымским, Аннушка «ударилась» о белый камень и метаморфизировала в культурные и природные объекты: церковь, «крутые горки» и т. д., — что можно определить как трансформированное, но самоубийство [XVI, № 4].

4. Казни и наказания.

См.: [XVI, № 47, 200, 200, 200, 295, 299, 299, 328, 328, 358, 358, 364, 377, 386; XVII, № ≈ 4, 76, 82, 163, 295, 342, 350, 351].

5. Материального порядка:

♦ Татарину, по явно не зависящим от него причинам, «досталась стара старушенька», неспособная к работе [XVI, № 24].

¹¹ Правда, Скопин при этом еще «закладывает три города русские», но этот алломотив здесь пришлось опустить.

♦ Щелкан берет и вывозит «дани-невыходы, царски невыплаты» в «денежном измерении»: «с князей по сту рублей, с бояр по пятидесят, с крестьян по пяти рублей» [XVI, № 39].

Отдельно: четко сформулированный самоотказ от материальных благ:

♦ Ермак (представляя от лица казаков) просит у «государя» не жаловать его «городами, подселками и большими поместьями» (а пожаловать им, всем казакам, «батьюшку тихий Дон со вершины до низу, со всеми реками, протоками») [XVI, № 358].

♦ «Православный царь», объясняя «патриарху» свою твердую решимость жениться на дочери небогатого «графа Нарышкина», уверенно говорит: «Мне не надо его богатства» [XVII, № 133].

♦ Микита Романович отказывается от «городов с пригородками», «злата и серебра» (чтобы попросить и получить у Ивана Васильевича «Микитину отчину», где нет «иску» и «отыску») [XVI, № 200].

♦ «Кузьма Сухорукий сын» призывает будущих соратников: «Вы продайте все ваше злато-серебро» (чтобы «накупить себе острых копий, булатных ножей»); здесь даже и не существенно, поступили ли так персонажи или патриотический призыв остался втуне [XVII, № 76].

6. Нанесение увечий:

♦ Иван Васильевич ослепляет царя Симеона («за гордость, что не встретил великого князя») [XVI, № 47].

♦ Выскакивая из-за столов, Матрюк Темрюкович «повалил триста столов, да прибил триста гостей: живы, да негодны» [XVI, № 109].

7. Нарушения, связанные с родственными отношениями:

♦ Авдотья Рязаночка остается одна в разоренной Бахметом Казани [XVI, № 1].

♦ Православный царь, собираясь в Казань, берет с собой доброго молодца, что для последнего объективно означает, помимо прочего, разлуку с отцом, матушкой и молодой женой [XVI, № 106].

♦ Избегая угрозы смерти за недоносительство, Федор Иванович вынужденно доносит на брата-изменщика [XVI, № 200].

♦ Благоверная царица опасается, что после ее смерти «Грозный царь Иван Васильевич» будет немилостив «до своих-то до младых двух цыревицей» и «до своей-то до младой до царевны-то... Настасьи до Ивановны»

(почему и просит Ивана Васильевича быть «смирным, милосливым» к ним) [XVI, № 263].

♦ «Кузьма Сухорукий сын» призывает будущих соратников: «Оставляйте вы свои дома, покидайте ваших жен, детей» [XVII, № 76].

♦ Перспектива участия во взятии «Смолин-города» означает для «робят, развоенных солдатешек», что им «на швете живым не бучь», не видать «отца-мачерэй... молодых жен... малых детушек» [XVII, № 110].

8. «Тяготы» (недифференцированные):

♦ Девушке, отставшей от товаров, грозит ночевка в лесу [XVI, № 5].

♦ Плавая по «синему морю» «на Соколе, черном корабле», Сироточка и его товарищи явно претерпевали какие-то тяготы; по его словам: «Мы не песню, братцы, пели, горе мыкали» [XVI, № 21].

♦ Тюремщики, как это следует из слов Ермака, не поят его и не кормят [XVI, № 377].

♦ «Наше Каспийское море... осенним ледочком покрывалось. Замерз наш воровской стружок» (почему Разину и приходится предлагать выход из создавшегося положения) [XVII, № 162].

♦ «Солдаты, солдатешки молодые», явно исполняя приказ «начальства» (которому «объявила» о «Стеньке Разине» «астраханска девка Маша»), «что сковали <Разину> руки-ноги железными кандалами, посадили... Стеньку во железную во клетку, три дни по Астрахани возили, три дни с голоду морили». Здесь отдельно отмечены тяготы, испытываемые Разиным [XVII, № 295].

См. также: [XVI, № 328, 328, 358, 358, 364, 364, 387].

VIII. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ, ПРЕДЧУВСТВИЯ И ГАДАНИЯ:

А. Эмоциональные реакции:

1. Упреки, укоры, брань.

См.: [XVI, № 24, 39, 109; XVII, № 32, 32, 79].

2. Плач, печаль, горесть, кручина, сожаление.

См.: [XVI, № 1, 1, 5, ≈ 21, ≈ 21, 24, 106, 106, 200, 200, 261, 263, 277, 278, 295; XVII, № 24, 30, 30, 32, 78, 110, 138, 351].

3. Гнев, досада, активное неприятие (вплоть до убийства).

См.: [XVI, № 39, 47, 47, 84, 200, 200, 200, ≈ 200, 261, 263, 274, 370, 377; XVII, № 26, 32, 32, 32, 82, 120, 112, 163].

4. Испуг.

См.: [XVI, № 200, 200, 267, 299, 358; XVII, № 120].

5. Нетерпение, спешка:

♦ Увидев вещий сон о «встрепенувшемся орлище» и «грозной туче», «наплывающей от сильного Московского царства» на «наше царство», казанская царица Елена не просто рассказывает о сне казанскому царю Симеону, но будит его ради этого, судя по всему, посреди ночи [XVI, № 47].

♦ «Послышав борцов», Матрюк Темрюкович выскакивает из-за столов в чрезвычайном нетерпении [XVI, № 109].

♦ «Млад татарченко», торопясь сообщить «православному царю» о изменническом замысле бояр, входя к царю, «не спрашивает у ворот приворотничков, и не спрашивает он у дверей придверничков» [XVI, № 262].

♦ Спеша выполнить приказа «царя турецкого Салтана Салтановича» «сгаркать из темницы того тюремного старосту», «мурзы-улановья» выказывают едва ли не чрезмерное усердие: «А и мурзы-улановья метались через голову» [XVI, № 377].

♦ «Скорый почтарь любимый шурин (Скопина) Митрофан Фунтосов», доставляя «ерлыки», «въезжает прямо на королевской двор... ни за чем почтарь не замешкался» [XVII, № 32].

См. также: [XVI, № 200, 200, 371].

6. Недоумение, удивление:

♦ При виде «незваной госьейки» Марьи Романовны, не одетой должным образом, Микита Романович удивляется: «А не звана пришла госьейка... да неубранная» [XVI, № 200].

♦ «Грозный царь Иван сударь Васильевич» в разговоре с «добрым молодцем», добывшим «золоту казну» якобы преступным путем, не может скрыть удивления: «Куда ты девал эдаку золоту казну?» [XVI, № 295].

♦ «Святейший патриарх», услышав, что «православный царь намерен жениться на Наталье Нарышкиной, недоумевает: «Ведь граф-то... незнатно он, небогато живет» [XVII, № 133].

7. Взволнованность, «смешанность», состояние «не по себе»:

♦ Захваченный своей «верой поборотися, потешить царское величество», Матрюк Темрюкович на пиру у Ивана Васильевича «не пьет да не ест» [XVI, № 109].

♦ После дворцового переворота (ссылки «царя Василия» и посажения на трон «Петрушки-самозванца») дворцовые «лакеи» и «прислужнички» «взволновались, взсуетилися» [XVII, № 73].

♦ «Соходился весь московский народ на площадь Красную» явно в крайне встревоженном

состоянии, о чем свидетельствует тональность и лексика вопросов о причинах беспорядка во дворце [XVII, № 73].

♦ После казни «Стеньки Разина», по словам «ясаула», «помешался весь казачий круг» [XVII, № 341].

8. Насмешка:

♦ Бояре-князья, стоя позади молящегося «православного царя», потерявшего сына, «промеж-то себя ухмыльнулись, усмехнулись» (что «православный царь» явно воспринимает как личное оскорбление) [XVI, № 261].

♦ «Мстисловский-князь, Воротынской», по факту смерти «воеводы Васильевича князя Михаила» (Скопина) «а говорили слово, усмехнулись: «Высоко сокол поднялся и о сыру матеру землю разбился!» [XVII, № 30].

♦ ≈: Астраханский воевода приказывает стрелять из пушек в «Стеньку Разина», тот комментирует, что пушки его «не возьмут, легки ружьица не проймут», и лишь только «астраханска девка Маша» «уж как возьмет ли, не возьмет». Этот комментарий можно трактовать как насмешку, но в то же время очевидна его собственно композиционная роль — введение в круг персонажей «Маши». На эту двойственность возможной интерпретации и указывает символ ≈ [XVII, № 295].

9. Благодарность:

♦ Иван Васильевич «жалует царицу, приводя ее в крещеную веру» именно «за то», что она «с радостью московского князя — Ивана Васильевича — встречала» с хлебом-солью [XVI, № 47].

10. Радость, активное приятие.

См.: [XVI, № 47, 109, 109, 200, 274, 358; XVII, № 32, 80, 112].

11. Стойкость:

♦ «Стоит молодец, <с которого «пытают золоту казну» на пражеже», сам не трёхнется, русы его кудри не ворохнутся» [XVI, № 295].

♦ «Идет молодец <ведомый из «земляной тюрьмы» «ведь ко вешанью»> да сам не качнется» [XVI, № 299].

12. Саморефлексия:

♦ Считая «своего любимого сына» «решенным», Иван Васильевич пишет в «афишках печальных», обращенных ко всем подданным: «Одевайте-ко вы платьицы опальные, пришло времяцко мни печальное, как Митрея решил Ивановица» [XVI, № 200].

♦ «Молодец, ведомый из «земляной тюрьмы» «ведь ко вешанью», и, по его же словам, невиновный в инкриминируемом ему деянии, с горечью восклицает: «Уж как я ли, молодец, да ни за что пропал» [XVI, № 299].

♦ Ермак, сидящий в «земляной темнице», размышляет о своей жизни: «Крепко вот я призадумался, прогневил вот свою судьбу злодеюшку» [XVI, № 387].

13. Заключения на будущее.

См.: [XVI, № 274; XVII, № 26].

В. Противодействия (в максимально широком смысле):

1. Индивидуальные «уклонения» (бегства, прятания и подобное):

♦ Преграды, чреватые смертельной угрозой, поставленные на ее пути Бахметом турецким, Авдотья Рязаночка благоразумно минует вполне эмпирически достоверным образом, избегая всяческого риска: «Мелкие-то ручейки бродом брала... Чистые поля разбойников о полночь прошла (О полночь разбойники опочин держат)» и т. д. [XVI, № 1].

♦ Перед угрозой казни канонеры «хоронятся большой за меньшого», надеясь тем спастись [XVI, № 47].

«Молодой канонер» объясняет Ивану Васильевичу задержку с подрывом городской стены, спасаясь от казни. (Тем самым он и других «канонеров» спасает, но в фабуле текста это никак не отмечается и здесь поэту отдельно не отмечено.) [XVI, № 47]

♦ Будучи чрезвычайно униженным обстоятельствами своего поражения, Матрюк Темрюкович «со стыду и сорому окарачках под крылец ползет» [XVI, № 109].

♦ «Получив приказ» о казни царевича Митрия Ивановича, палачи «из пальи развездядилисе, во своих домах да не сказалисе» [XVI, № 200].

См. также: [XVI, № 4, 4, 274, 299, 358; XVII, № 4, 26, 94, 100].

2. Предостережения, запреты:

♦ Матушка Скопина, как это следует из ее укора сыну, «не велела ему ездить ко князю Воротыньскому» [XVII, № 32].

♦ Атаман «казакам-братцам... наказывает» при ночлеге в большой степи Азовской: «Не стреножимши добрых коней, не пускайте в степь, не поставимши караула, не ложитесь спать» [XVII, № 100].

3. Обращения за помощью:

♦ Избегая угрозы, исходящей от царя крымского, Аннушка обращается за помощью к брату (но эта попытка спасения оказывается безуспешной) [XVI, № 4].

♦ Тверские «мужики богатые и посадские» приносят «жалобу» на бесчинства Щелкана «двум удалым Борисовичам» (в тщетной надежде, что те как-то остановят Щелкана) [XVI, № 39].

♦ Дабы предотвратить казнь сына, Марья Романовна обращается за помощью к брату Миките Романовичу [XVI, № 200].

4. Помощь иного персонажа:

♦ Пытаясь оказать противодействие намерениям царя крымского, «братец Юрьючка» «схоранивает» сестру в «каменных полатах», закрывает ее за «тридевятью дубовых двярей», ставит «караульщичков» и т. д. (но это противодействие оказывается безуспешным) [XVI, № 4].

♦ «Два удалых Борисовича» «от народа они с поклонами пошли, с честными подарками» к Щелкану, дабы побудить того прекратить свои бесчинства [XVI, № 39].

♦ Микита Романович недвусмысленно угрожает Малюте, уже занесшему саблю над Митрием Ивановичем, и сразу же приводит свою угрозу в исполнение, предотвращая тем самым казнь племянника [XVI, № 200].

См. также: [XVI, № 371; XVII, № 163].

5. Возвращение полонных:

♦ Авдотья Рязаночка возвращает весь полон, уведенный Бахметом турецким [XVI, № 1].

♦ Ермак приказывает «забирать <с турецких кораблей> невольников, провожать их на святую Русь» [XVI, № 24].

♦ «Государь православный царь князь велики(й) Михайло Федорович» «вывез» с собой из Литвы «много князей-бояр и государева боярина князя Михайла Борисовича Шейна» [XVII, № 80].

6. Самостоятельные бегства/возвращения из полона, освобождения из темницы:

♦ У «татарочки», жены татарина-полонителя, есть теоретическая возможность вернуться с матерью-полонянкой «на свою сторону, да на святую Русь» (но эта возможность так и остается неосуществимой: ей жалко «малых детенок», а если взять их с собой, «злой татарченко он погонится и увезет с собой») [XVI, № 24].

♦ «Старушенька», мать «татарочки» и теща татарина — своего полонителя, возвращается «на свою сторону — святую Русь» [XVI, № 24].

♦ «Стенька Разин», посаженный «во железную во клетку», просит «хоть стакан воды напиться», «окатывается» и в результате оказывается «на Волге» [XVII, № 295].

7. Обращения непосредственно к антагонисту:

♦ Ермак, томящийся в темнице, требует от царя турецкого, чтобы тот приказал его «либо на волю пустить» [XVI, № 377]

♦ Размышляя о своей жизни, в том же лирическом монологе Ермак просит «Лексея-судью»

выпустить его «из темной тюремницы» [XVI, № 387].

8. «Заслуживания», «принесение вины»:

♦ ≈: Судя по вариантам песни [XVI, № 329–333, 335], взятие Казани должно послужить прощению Ермака с товарищами за какие-то их противоправные деяния в прошлом. Но в данном тексте об этом ясно не сказано, на что и указывает символ ≈ [XVI, № 328].

♦ Казаки приходят с повинной к «царю», посланника которого они убили за гордость «перед царем» [XVII, № 82].

♦ Ермак исполняет свое обещание казакам: «Я тогда-то пойду сам ко белу царю... принесу я царю белому повинную» [XVI, № 364].

9. Опровержение обмана:

♦ Девица опровергает обман молодца, сманивающего ее ехать с ним в Казань [XVI, № 84].

С. Предчувствия, гадания:

1. Общегосударственного масштаба:

♦ Царица Казанского царства Елена видит вещий сон о «встрепенувшемся орлице» и «грозной туче», «наплывающей от сильного Московского царства» на «наше царство»; сон предвещает разрушительные военные действия со стороны «сильного Московского царства» Москвы и «великого князя московского» [XVI, № 47].

2. Личностного масштаба:

♦ «Вор-собачушка», выехавший «из-за шведский, из литовский из земелюшки», расставив «бел-тонкой шатер» «под столицю в славном рубеже», «по бобам стал... угадывать: не казнят-то нас и не вешают, уж и много нас жалованьем жалуют» [XVII, № 29].

♦ «Ретиво сердце» «Стеньки Разина» «без огня-то оно сторело и без поल्या все изотлело». (Тяжкое состояние Разина мотивировано тем, что «завтра» ему «пред белым царем ответ надо держать», задав царю вопрос: «Да и чем же ты меня, православный царь, припожалуешь?» — и получив на него совершенно зловещий ответ: царь «припожалует», «что ни лучшими хоромами высокими, что ни теми ли столбами с перекладиной».) [XVII, № 350].

IX. АЛЛОМОТИВЫ, КОТОРЫЕ НЕ УДАЛОСЬ ВКЛЮЧИТЬ В ПРЕДЛАГАЕМУЮ СИСТЕМУ:

♦ Умирающая «благочестивая царица» отправляет царевичей за отцом — Грозным царем Иваном Васильевичем — проститься с нею, чем невольно мешает ему заниматься

делами государственной важности — «писать про землю да святоруськую... про солдатушков да новобранных» [XVI, № 263].

♦ Астраханские купцы «просят со гонца <а на самом деле — предводителя военного отряда, намеренного захватить Астрахань> три пошлины» [XVII, № 79].

♦ В честь побед Скопина был устроен «пир и великой стол» с пением «великой славы» Скопину [XVII, № 32].

♦ Чтобы получить помощь «свицкого короля Карлуса», Скопин «закладывает три города русские» [XVII, № 32].

♦ Дмитрий Пожарский отказывается от «почести принять царство Московское» [XVII, № 76].

♦ «Собиралася орда крымская во единый круг... они думали крепку думушку заедино. Принимала-то она орда крымская да свою присягушку, целовала-то она у вострой шашечки только жало вострое» [XVII, № 107].

X. ТЕКСТЫ, АНАЛИЗ КОТОРЫХ ОКАЗАЛСЯ ТРУДЕН ИЛИ НЕВОЗМОЖЕН

1. Набег Крымского хана [XVI, № 272].
2. Смерть царевича Дмитрия [XVII, № 1].
3. Сборы казаков под Азов [XVII, № 86].
4. Поход селенгинских казаков [XVII, № 109].
5. Гибель С.Р. Пожарского [XVII, № 115].
6. Осада Риги [XVII, № 119].
7. Рождение царевича Петра [XVII, № 135].
8. Разин остается один [XVII, № 311].
9. Песни разинцев [XVII, № 322].
10. Сокол подпалил крылья [XVII, № 347].
11. Разин видит сон [XVII, № 348].
12. Разин перед царем [XVII, № 352].
13. Девица горюет по Разину [XVII, № 353].
14. Девушка оплакивает Разина [XVII, № 353].
15. Разин и турецкий паша [XVII, № 355].
16. Разин под Азовом [XVII, № 356].
17. Разин в киргизской степи [XVII, № 357].

Литература

- Аникин 1996 — *Аникин В. П.* Теория фольклора: Курс лекций. М., 1996.
- Емельянов 1966 — *Емельянов Л. И.* Историческая песня и действительность // Русский фольклор. Т. X. М.; Л., 1966. С. 196–227.
- Игумнов 2007 — *Игумнов А. Г.* Поэтика русской исторической песни. Новосибирск, 2007.
- Игумнов 2008 — *Игумнов А. Г.* Осмысление исторического события в русском историко-песенном фольклоре // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. Улан-Удэ, 2008. С. 71–78.
- Игумнов 2011 — *Игумнов А. Г.* Витальное и конкретно-историческое в русской исторической песне // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 10. Филология. С. 200–205.
- Игумнов 2013 — *Игумнов А. Г.* О статусно-этикетно-церемониальном начале в русских исторических песнях // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 1. Язык. Литература. Культура. С. 161–172.
- Игумнов 2014 — *Игумнов А. Г.* Апелляция к социальному статусу персонажа в русской исторической песне: фабула и вариации смыслов // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 10. Филология. С. 196–205.
- Пропп 1964 — *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 52–68.
- Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура: In memoriam. СПб., 2003.
- Силантьев 2004 — *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М., 2004.
- Черняева 1980 — *Черняева Н. Г.* Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980. С. 101–134.
- XVI — Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. (Памятники русского фольклора).
- XVII — Исторические песни XVII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. (Памятники русского фольклора).
- XVIII — Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. (Памятники русского фольклора).
- XIX — Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1971. (Памятники русского фольклора).
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: Российская Федерация, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; тел.: +7 (3012) 43-46-25; e-mail: anigumnov@mail.ru

MATERIALS FOR AN INDEX OF ALLOMOTIFS OF RUSSIAN HISTORICAL SONGS OF THE 13TH — THE 17TH CENTURIES

ANDREY IGUMNOV

(Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences: 6, Sakhyanovoy str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation)

Summary. *The paper deals with the problem of described object in Russian historical songs. Generalized model of reality, depicted in the songs, consists of five private spheres, addressing to: 1) etiquette and ritual plane of reality; 2) vital-existential problematic of reality; 3) world of social relations, in which singers and characters are involved; 4) flow of events depicted in all its turns and suggestive elements; 5) specific historical details. Reality obtains a double ontologic status: it is both real life and fictive, imagined reality, which simulates the actual one.*

Description of the proposed model is a structured (non-systematic) index of allomotifs in Russian historical songs from the 13th — the 17th centuries. Allomotif is understood as a “concrete manifestation of a subject, an object, their relations, attributes, spatial and other exponents”. Allomotifs are assorted into 8 rubrics on the 1st highest level, with following rubrication down to the 4th lowest layer. Rubrics of the 1st level are: I) Allomotifs, that model etiologic and cosmic meaning of the event; II) Allomotifs, that model social relations without significant conflicts; III) Allomotifs, that model social stratification; IV) Allomotifs, that model severe conflicts in social relations; V) Allomotifs, that model satisfaction or violation of group social interests; VI) Allomotifs, that model interpersonal and kindred social relations; VII) Allomotifs, that model situations, which are vitally important for a given character; VIII) Emotional reactions, resistance, presentiments, fortune-telling.

The paper ends with preliminary conclusions. Even if the Russian historical song did not reveal entire historical reality with all its unique events, it has modeled the world of social relations more completely than other adjoining genres: bylina epics, ballades, Ukrainian duma epics, and thus obtained possibility to infix concrete historical impressions of its creators.

Key words: *Russian historical song, represented object, allomotifs, index.*

References

- Alekseeva O. B., Dobrovol'skiy B. M., Emel'yanov L. I., Korguzalov V. V., Lozanova A. N., Putilov B. N., Sheptaev L. S. (eds.) *Istoricheskie pesni XVII veka* [Historical songs of the 17th century]. Moscow; Leningrad. In Russian.
- Alekseeva O. B., Emel'yanov L. I. (1971) *Istoricheskie pesni XVIII veka* [Historical songs of the 18th century]. Leningrad. In Russian.
- Anikin V. P. (1996) *Teoriya fol'klora. Kurs lektsiy* [Theory of folklore. Lecture course]. Moscow. In Russian.
- Chernyaeva N. G. (1980) *Opyt izucheniya epi-cheskoy pamyati (na materiale bylin)* [Research experience of epic memory (based on bylins)]. *Tipologiya i vzaimosvyazi fol'klora narodov SSSR* [Typology and correlations of the USSR peoples' folklore]. Moscow. Pp. 101–134. In Russian.
- Domanovskiy L. V., Alekseeva O. B., Litvin E. S. (eds.) (1971) *Istoricheskie pesni XIX veka* [Historical songs of the 19th century]. Leningrad. In Russian.
- Emel'yanov L. I. (1966) *Istoricheskaya pesnya i deystvitel'nost'* [Historical songs and reality]. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Vol. X. Moscow; Leningrad. Pp. 196–227. In Russian.
- Igumnov A. G. (2007) *Poetika russkoy istoricheskoy pesni* [Poetics of the Russian historical song]. Novosibirsk. In Russian.
- Igumnov A. G. (2008) *Osmyslenie istoricheskogo sobytiya v russkom istoriko-pesennom fol'klоре* [Comprehension of a historical event in Russian historical song folklore]. *Etnokul'turnoe i fol'klornoe nasledie mongol'skikh narodov v kontekste istorii i sovremenosti* [Ethnocultural and folklore heritage of the Mongolian peoples in the context of history and contemporaneity]. Ulan-Ude. Pp. 71–78. In Russian.
- Igumnov A. G. (2011) *Vital'noe i konkretno-istoricheskoe v russkoy istoricheskoy pesne* [Vital and concrete historical issues in the Russian historical song]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Buryat State University]. 2011. Issue 10. Filologiya [Philology]. Pp. 200–205. In Russian.
- Igumnov A. G. (2013) *O statusno-etiketno-teremonial'nom nachale v russkikh istoricheskikh pesnyakh* [About status, etiquette and ceremo-

nial elements in Russian historical songs]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Buryat State University]. 2013. Issue 1. Yazyk. Literatura. Kul'tura [Language. Literature. Culture]. Pp. 161–172. In Russian.

Igumnov A. G. (2014) Apellyatsiya k sotsial'nomu statusu personazha v russkoy istoricheskoy pesne: fabula i variatsii smyslov [Appeal to the social status of the character in the Russian historical song: plot and variations of denotations]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Buryat State University]. 2014. Issue 10. Filologiya [Philology]. Pp. 196–205. In Russian.

Propp V. Ya. (1964) Zhanrovyy sostav russkogo fol'klora [Genre compound of the Russian folklore]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. 1964. No. 4. Pp. 52–68. In Russian.

Putilov B. N. (2003) Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam [Folklore and folk culture. In memoriam]. St. Petersburg. In Russian.

Putilov B. N., Dobrovol'skiy B. M. (eds.) (1960) Istoricheskie pesni XIII—XVI vekov [Historical songs of the 13th — the 16th centuries]. Moscow; Leningrad. In Russian.

Silant'ev I. V. (2004) Poetika motiva [Poetics of the motif]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: anigumnov@mail.ru

Tel.: +7 (3012) 43-46-25

6, Sakhyanovoy str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Full Professor (Philology), senior researcher, Department of Literature and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
